

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

г.г.

№ 12.

16 Октября.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПР.-ДОЦ. С. КЕЧЕКЪЯНЪ. ДЕМОКРАТІЯ И
БОРЬБА СЪ АНАРХІЕЙ.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ. ВСЕОБЩЕЕ ВОЗ-
СТАНІЕ.

ПРОФ. Н. ФІОЛЕТОВЪ. ЦЕРКОВНЫЙ СО-
БОРЪ И ЕГО ЗАДАЧИ.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

С. ФЕДОРЧЕНКО. СОЛДАТСКІЯ БЕСѢДЫ.
В. ДОРОВАТОВСКАЯ. ФРАНЦУЗСКІЙ УЧЕБ-
НИКЪ.

Я. А. ГАЛЯШКИНЪ. ОТЧЕГО И КАКЪ
ОБЕЗЦѢНИВАЮТСЯ НАШИ ДЕНЬГИ.

Н. УСТРЯЛОВЪ. ТОВАРИЩЪ И ГРАЖДА-
НИНЪ.

Н. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ., ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ пе-
реулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Смоленскій бульв. 8.
Тел. 3-97-14 и 61-03.

ДЕМОКРАТІЯ И БОРЬБА СЪ АНАРХІЕЙ.

Статья пр.-доц. С. Кечекьяна.

Правительство борется съ анархіей. Оно признаетъ эту борьбу одной изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ. Анархія страшна ему и сама по себѣ, и какъ грозное преддверіе грядущей контръ-революціи.

Но въ чемъ анархія? Гдѣ ея корни? Это прежде всего нужно уяснить себѣ для того, чтобы успѣшно бороться съ анархіей.

Когда обыватель говоритъ объ анархії, онъ разумѣетъ неблагоустроенную, лишенную безопасности жизнь. Безопасности нѣтъ—анархія! Когда множатся грабежи, разбои, насилія, и власть оказывается безсильной съ ними справиться—обыватель провозглашаетъ: анархія. И дѣйствительно такова поверхность, «зыбь» анархії. Но корни ея всегда уходятъ глубже: дѣло всегда въ какомъ-либо порокѣ, разъѣдающемъ власть. Анархія начинается сверху: она прежде всего поражаетъ голову организма—правительство. Чтобы бороться съ ней, нужно начинать именно отсюда. Не усиленіемъ милиціи, не поисками «настоящихъ», «твердыхъ» носителей власти, а излеченіемъ больной власти, ея реорганизацией нужно начинать борьбу съ анархіей.

Когда власть перестаетъ быть законной, когда власть перестаетъ быть единой, нужно ли удивляться тому, что она неспособна быть «твердой»? Дайте Россіи единую законную власть—и вы спасете ее отъ анархії.

Въ самомъ дѣлѣ, нормально ли то, что мы наблюдаемъ у насъ повсемѣстно? Съ одной стороны—власть законная (комиссаріаты, думы), но совершенно безсильная справиться со своими задачами, съ другой стороны, власть незаконная («совѣты»), но располагающая огромной дѣйствительной силой. Пока это будетъ продолжаться, пока мы будемъ имѣть безсильное право и безправную силу—анархії не предвидится конца въ нашемъ государствѣ.

Церетелли указывалъ на то, что именно «совѣты» въ ихъ теперешнемъ видѣ призваны наладить и организовать порядокъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе и пагубнѣе этого мнѣнія. Что толку, если «совѣты» сумѣютъ что-либо организовать? Въдѣ отъ этого они не станутъ законными органами государственной власти. Въдѣ они не войдутъ составною частью въ единую систему государственной власти. А между тѣмъ отъ этой беззастѣливой дѣятельности совѣтовъ по водворенію порядка законные органы государственной власти получаютъ послѣдніе остатки своего пресижия и своихъ возможностей.

О безсиліи комиссаріатовъ не стоитъ много говорить. Факты общеизвѣстны. Во многихъ случаяхъ вы не находите здѣсь ничего, кромѣ словъ утѣшенія и сочувствія. Хорошо еще, что въ провинціи помѣщичь-комиссаровъ не бьютъ, какъ бьютъ ихъ ежедневно на улицахъ Москвы. Управа? Но что такое управа съ однѣми думскими резолюціями, но безъ полиціи, которая могла бы и не быть битой?

А въ это же самое время «совѣты» смѣщаютъ,

назначаютъ, обыскиваютъ, арестовываютъ, конфискуютъ. Мы читаемъ то и дѣло въ газетахъ: «арестованъ по распоряженію слѣдственной комиссіи С. Р. и С. Д.», «смѣщенъ по распоряженію С. Р. и С. Д.» (на-дняхъ въ Ростовѣ былъ такъ смѣщенъ комиссаръ города—Зеелеръ). Дѣло доходитъ до того, что С. Р. и С. Д. «дѣлаетъ предупрежденіе саду «Буффъ», грозя закрыть его за продажу спиртныхъ напитковъ» (Ростовъ на Дону). Вотъ куда нынѣ перемѣстилась всеопекающая и вездѣсушая полиція!

Но однако по какому праву?

По какому праву солдаты останавливаютъ гражданъ на улицахъ и требуютъ ихъ документовъ? По какому праву обыскиваютъ ихъ въ поѣздахъ? Наконецъ, по какому праву арестовываютъ и допрашиваютъ въ своихъ солдатскихъ и, что еще удивительнѣй, въ профессиональныхъ рабочихъ организацияхъ, какими въ сущности являются всѣ эти «совѣты»? Почему именемъ С. Р. и С. Д. совершается все то, что представляетъ прямую задачу органовъ государственной власти и въ частности то, на что имѣетъ право, но чего не дерзаетъ свершать конфузливая передъ грознымъ лицомъ С. Р. и С. Д. милиція?

Впрочемъ, умѣстнѣе спрашивать не «почему», а «по какому праву». На вопросъ, «почему» депутатъ Шингаревъ уже получилъ отвѣтъ. Ему былъ показанъ мощный мозолистый кулакъ. И, конечно, это и есть тотъ фундаментъ, на которомъ держится никакимъ правомъ не обоснованная власть «совѣтовъ». И то государство, которое ничего не можетъ противопоставить такому положенію вещей, неминуемо обречено на анархію.

Пока лица и органы, не имѣющіе на то никакого права, будутъ обыскивать, арестовывать и смѣщать, органы, облеченные по праву законною властью, останутся безсильными. Ни думы, ни управы, ни комиссаріаты не смогутъ проявить достаточно силы, пока на мѣстахъ будутъ распоряжаться «совѣты». А безъ этого нѣтъ выхода изъ анархії. Есть, правда, и еще одинъ выходъ. Я предлагаю его совершенно серьезно, хотя онъ звучитъ нѣсколько по-большевистски.

Почему до сихъ поръ никому не приходится въ голову придать правовыя формы такому положенію вещей? Почему не нашли себѣ юридическаго выраженія полномочія совѣтовъ, исполн. комитетовъ и т. п.? Почему защитники «совѣтовъ» не сдѣлали доселѣ открытаго признанія и явнаго закрѣпленія въ законѣ того порядка, который сложился ихъ усиліями или ихъ попустительствомъ и который съ одинаковой силой даетъ себя чувствовать какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ?

Если за «совѣтами» желаютъ оставить власть въ общегражданскихъ дѣлахъ, то «совѣты» должны быть подчинены общественному и государственному контролю. На нихъ должны быть возложены обязанности и служебная отвѣтственность. И для этого они должны

стать въ опредѣленные юридическія отношенія съ другими органами государственной власти.

Или совѣты должны отойти въ сторону, расчистивъ дорогу тѣмъ, кто нынѣ призванъ властвовать *по праву*, или совѣты должны сами стать юридически признанною властью и перейти къ осуществленію *власти по праву*. Третьяго пути нѣтъ. Это—азбука государственной практики и государственнаго права. Въ этой диллемы начинается разложеніе государства.

Всякая организация, всякій комитетъ, совѣтъ и т. п. можетъ властвовать въ государствѣ не иначе, какъ по праву. Ни въ какомъ государствѣ не можетъ быть терпима власть, опирающаяся на одну только голую силу. Это—аксіома науки о государствѣ.

И далѣе: всякая организация, всякій комитетъ, совѣтъ, осуществляя функции государственной власти, долженъ имѣть на то разрѣшеніе верховной власти. Ибо въ государствѣ можетъ быть лишь одинъ единый источникъ власти.

Если городской арестуетъ, судья судить, а городская управа взysкиваетъ налоги, то происходитъ это потому, что всѣ они зачерпнули свою власть изъ одного единаго центрального источника. Есть нѣкая единая верховная власть, которая уполномочиваетъ, поручаетъ, дозволяетъ. И такой порядокъ именуется *государствомъ*. И наоборотъ, если одна организация ссылается на право революціи, другая на божественное право, а третья еще на какой-либо третій источникъ власти, нѣтъ болѣе государства. Передъ нами анархическое столкновение или соглашеніе различныхъ силъ.

Не можетъ быть двухъ или трехъ верховныхъ властей въ государствѣ и не можетъ быть государства безъ верховной власти. Это аксіома государственнаго права. Еще въ XVII вѣкѣ Гоббсъ поучалъ на этотъ счетъ англичанъ, которые лучше всѣхъ другихъ умѣли сочетать свободу и порядокъ.

Всякій, кто властвуетъ, долженъ показать, что онъ властвуетъ именемъ верховной власти. Всякій, кто властвуетъ, долженъ показать, чѣмъ и какъ онъ связанъ съ единымъ источникомъ власти.

Если онъ этого не можетъ сдѣлать, онъ не можетъ считаться законнымъ властителемъ. Передъ нами насильникъ или узурпаторъ. Если же вдобавокъ онъ пробуетъ оказывать незаконное давленіе на верховную власть, онъ становится тою самою «темною силою», которая издавна считалась признаннымъ зломъ нашего государственнаго быта. Ничего не мѣняется оттого, кто выступаетъ въ роли этой «темной силы» и будетъ ли это отдѣльное лицо или цѣлый совѣтъ, комитетъ и т. п. Довольно того, что лицо или комитетъ захватываетъ верховную власть насильно, не имѣя на то никакого права и не неся никакой законной отвѣтственности.

Не можетъ служить оправданіемъ и то, что въ роли этихъ непризванныхъ властителей выступаютъ просвѣщенные демократы. Среди темныхъ силъ, окружавшихъ Николая II, было не мало людей и болѣе него значительныхъ, и болѣе даровитыхъ, и болѣе его просвѣщенныхъ. Но всегда всѣ эти люди были страшнѣе и невѣносимѣе законныхъ деспотовъ. И тѣмъ невѣносимѣе всѣ закулисные Побѣдоносцевы и Распу-

тины революціи. Пусть они превратятся въ отвѣтственныхъ носителей власти или оставятъ свое давленіе на законную власть. Пусть они перестанутъ быть «закулисными» и станутъ въ прямую юридическую связь съ властью какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ. Въ этого нѣтъ конца разложенію государства. Ибо государство остается въ сохранности до тѣхъ поръ, пока существуетъ одна единая система государственнаго управления, а не двѣ и не три несвязанныхъ другъ съ другомъ системы.

Поэтому положеніе «совѣтовъ» должно быть урегулировано правомъ. Ихъ отношеніе къ органамъ и функциямъ правительственной власти должно быть введено въ строгія юридическія рамки. До тѣхъ поръ, пока это не сдѣлано, власть будетъ дѣломъ силы, а не права. И не переставая, то въ Царицынѣ, то во Владивостокѣ будутъ обнаруживаться «захваты» власти, которые лишаютъ гражданъ всякой возможности разглядѣть законную власть. Анархии не будетъ конца, пока власть будетъ покоиться на балансирующей силѣ, пока «кто палку взялъ, тотъ и капраль».

«Капраль» долженъ быть указанъ закономъ. Но законъ не знаетъ другого «капрала», кромѣ Временнаго Правительства и лицъ имъ назначенныхъ, съ одной стороны, и демократическихъ органовъ самоуправления (думы, управы), съ другой.

О «совѣтахъ» законъ ничего не говоритъ. Ясно поэтому, что всякая власть, осуществляемая ими, есть тотъ самый захватъ непринадлежащаго по праву, который составляетъ альфу и омегу анархии.

Если «совѣты» дѣйствительно хотятъ наладить порядокъ въ странѣ, они должны не сами осуществлять власть въ общегражданскихъ дѣлахъ, а лишь помогать законнымъ органамъ демократической власти, дѣйствуя *отъ ихъ имени и подъ ихъ контролемъ*. Они должны призывать къ безусловному подчиненію не себѣ, а органамъ Временнаго Правительства и думамъ, подымая тѣмъ самымъ ихъ престижъ въ глазахъ населенія.

И если Временное Правительство желаетъ положить конецъ анархii, оно должно начать съ изданія закона о «совѣтахъ». Оно должно придать юридическія формы его дѣятельности. Оно должно провести ясную, и замѣтную для каждаго гражданина грань между законнымъ и незаконнымъ властвованіемъ.

Оно должно разъяснить далѣе населенію, что «совѣты», являясь классовыми или профессиональными организациями, не имѣютъ права арестовывать, допрашивать и смѣщать собственною своею властью, тѣмъ болѣе издавать приказы, обязательные для всѣхъ гражданъ, что единственными полномочными демократическими органами являются думы, избранныя на основѣ всеобщаго избирательнаго права, что именно имъ, а не «совѣтамъ» правительство вручаетъ власть въ мѣстныхъ дѣлахъ.

Только тогда власть цѣликомъ перейдетъ въ руки тѣхъ, кто имѣетъ на нее право. Въ государствѣ возстанетъ *единая* система власти. Это и будетъ началомъ борьбы съ анархiей.

С. Кечекьянъ.

ВСЕОБЩЕЕ ВОЗСТАНИЕ.

Временникъ Алексѣя Ремизова.

VII.

Языкъ запаль.

Справили мы кутью рождественскую—постную: послѣ всенощной, какъ показалась звѣзда, сѣли за столъ.

Сосѣдь Хрущовъ хлѣбъ принесь.

Подъ новый годъ справили кутью богатую.

Сосѣдь Хрущовъ хлѣбъ принесь.

И голодную кутью, привель Богъ, подъ Крещенье справили.

Сосѣдь Хрущовъ хлѣбъ принесь.

Когда догорѣли бѣлыя свѣчи передъ Неопалимой Купиной, зажгли на елкѣ красныя. Музыкантъ Прокофьевъ свое на рояли игралъ—«скиѣское». И когда онъ игралъ, не вѣрилось, что въ мірѣ будетъ бѣда съ жестокой войной, одни, какъ звѣри, сидятъ въ норахъ, подсиживаютъ врага, какъ бы побольше истребить его, а другіе точутъ и льютъ и пилать, готовятъ оружіе поострѣе да покрѣпче, и не думалось, что другая бѣда сидитъ на порогѣ, караулитъ голодная.

Сосѣдь Хрущовъ всякій разъ твердитъ:

«Запасайтесь, скоро хлѣба не будетъ!»

Не вѣрилось, не думалось.

А и въ самомъ дѣлѣ, и какъ это могутъ такъ? Или это дѣлается, никого не спрашивая и ни съ кѣмъ не уговариваясь потому же по самому, почему музыка раскрываетъ другую дверь и выходишь изъ холодной норы какъ въ звѣздный садъ.

Обѣщаль сосѣдь Хрущовъ крупчатки достать, чтобы ужъ была масленица такъ масленица: его мука, его и икра, а блины будутъ наши. А тамъ великій постъ, что Богъ дастъ.

Съ тѣмъ и Святки проводили.

Музыканту честь за музыку, сосѣду за хлѣбъ и посулъ!

На Аркадія къ дьякону на именины пошли. Поташили съ собой и сосѣда—досталь-таки муку!—и еще съ шлиссельбургскаго тракта пріятеля.

Къ ужину, чего запасла дьяконица, все на столъ, милости просимъ: была колбаса отъ Шмюкинга чесноковая, сыръ романовскій, грибки да капуста Зайцева, пастила прохоровская, заливные рябчики собственнаго приготовления, а тортъ ивановскій.

Обѣщаль прапорщикъ Пугачовъ вина достать, самъ пришелъ, а вмѣсто вина—тянучки.

Передъ ужиномъ слушали пѣніе: дьяконовъ шуринъ Леонидъ Михайловичъ поетъ въ родѣ, какъ Шаляпинъ, и какъ возьметъ за Хованщину либо за Бориса, вѣкъ бы слушалъ—вся она тутъ Русь наша бездольная съ Кремлемъ московскимъ и съ пустыней огненной.

А по Борисѣ сѣли за ужинъ.

До Рождества еще убили Распутина—больше мѣсяца, а память о немъ все еще занимала, какъ новость. Одни его звали ласково, какъ несчастнаго, Гришей, другіе строго—Григоріемъ, а третьи и особенно тѣ, кто при жизни его подлипалъ и подхалимилъ, бранно—Гришкой.

— Гришка! Одна нога во дворцѣ, другая въ церкви.

— Правиль Россіей хамъ, сапоги бутылками въ

ботикахъ, а вокругъ шайка шарлатановъ и безответственныхъ проходимцевъ.

— Для Распутина Россія—село Покровское.

И такъ и этакъ шпыняли покойника.

Отъ Распутина прямой ходъ къ Царскому.

И за вкусной колбасой чесноковой повторялись всякія басни о измѣнѣ, о радиотелеграфѣ, о министрѣ, въ котораго вселился духъ Распутина, и о велико-свѣтскомъ заговорѣ.

Протопопица утверждала, что мы накануне дворцоваго переворота.

Пріятель съ шлиссельбургскаго тракта вывелъ къ настоящему, онъ рассказаль, какъ на заводѣ у нихъ пулеметы поставлены, а на Голодаѣ будто бы сарты подъ замкомъ держутся для усмиренія.

— 14-го февраля наши всѣ пойдутъ.

Такъ отъ Распутина черезъ Царское и измѣну къ 14-му февралю ко всеобщему возстаню, отъ колбасы до торта ивановскаго и доѣлись.

Тутъ самоваръ подали.

Именинникъ, хлопотавшій за ужиномъ вмѣстѣ съ дьяконицей, присѣлъ къ самовару.

— А вотъ какое есть пророчество,—провѣщался дьяконъ,—говорять, будто Гриша сказалъ царю: «когда меня не будетъ, всѣ вы распылитесь!» Стало быть, разъ 14-го февраля всеобщее возстаніе и пулеметы...—дьяконъ хлебнулъ горячаго чаю и вдругъ языкъ у него запаль.

VIII.

Тошета великая.

Въ прощѣный день пришла Акумовна старуха и прямо бухнулась въ ноги.

На Акумовнѣ черный ватошный апостольникъ и вся она черная.

— Богъ проститъ, Акумовна.

Прежнее время присаживалась старуха къ столу и за чаемъ начинались разговоры о житьѣ-бытьѣ и прошломъ и теперешнемъ, и какъ Акумовна по веснѣ въ Петербургъ за старшину ѣздила, мальчика привозила—«мозгъ у него взбунтовавши», и какъ въ деревнѣ все-то до шепочки псвынуто и больше житья нѣтъ—солдатъ поставили!—и о безумной генеральшѣ, хозяйкѣ, подъ замкомъ у которой голодомъ высиживаетъ Акумовна по цѣлымъ суткамъ, и о сосѣдскихъ уголовныхъ барышняхъ изъ чайной, о ихъ жизни легкой съ ханжой и смертью собачьей, и о бдящемъ старшемъ Иванѣ Ѳедоровичѣ и о швейцарѣ Алексѣѣ, о всѣхъ дѣлахъ темныхъ и о дѣлахъ бѣдовыхъ, о случаяхъ и напастяхъ Буркова дома—всего Петербурга.

— Богъ проститъ, Акумовна, Богъ проститъ!

Поднялась старуха, растопырила по-лягушачьи черныя костлявыя пальцы, по-птичьему разинулась.

— Ой, что будетъ-то, Господи, что будетъ-то!

И какъ стала, такъ и стояла черная вся—можетъ, въ послѣдній разъ!—и ротъ ея полный (десной ѣсть!) разѣвался по-птичьему, а пальцы по-лягушачьи растопыривались.

Двѣнадцать лѣтъ назадъ 9-го января, когда дворники на Невскомъ сметали съ тротуара чловѣчки мозги съ кровью, бѣда пронеслась, цѣла и невредима

осталась Акумовна доживать свой вѣкъ горькій, но то, что произойдет послѣ завтра.

— 14-го всѣ до одинаго пойдутъ.

— Куда же пойдутъ, Акумовна?

— Въ казенное... въ это...—Акумовна еще больше разинулась и въ горлѣ ея перемякло отъ страха,— а не 14-го, такъ на будущей недѣлѣ въ четвергъ.

Сказать ей страшно, страшно выговорить. И не за себя она боится, ей—чего?—за племянниковъ, пойдутъ и ничѣмъ не удержишь, а вернутся ли, Богъ знаетъ. Да еще ей страшно, она и сама не знаетъ.

А все оттого, что ѣсть нечего, хлѣба нѣту, булочныя заперты.

А хлѣба нѣтъ оттого, что война.

Прежнее время наряжалъ я Акумовну въ елочное серебро, такъ въ серебрѣ старуха и чай пила, а тутъ и не до чаю, не до серебра.

— Ой, что будетъ-то, Господи!

А непременно будетъ, весь Бурковъ домъ знаетъ— весь Петербургъ.

IX.

Хлѣба!

Ждали вторника—14-го.

Писали въ газетахъ. Предостерегали.

«Кромѣ худа, ничего не будетъ!»—предостерегали.

Отъ слова стало, отъ слова и станется, коли есть силы чающія, и ни крикъ, ни вопъ ничто не поможеть.

По утру во вторникъ смотрю въ окно—мететь.

«Нѣтъ,—подумалось,—ничего не выйдеть!»

И правда, собрались студенты да курсистки на Невскомъ, пропѣли «Отречемся отъ стараго міра»— то-то молодость, то-то безстрашная и безкорыстная: силы растутъ, кровь кипитъ, все насмарку, все заново, а новое такъ легко и прекрасно—«Отречемся отъ стараго міра». И сгнули. Слово метель смела.

И больше, кажется, никто ужъ ничего не думалъ и на выступленія рукой махнулъ. Жили, какъ жили въ тощеть безкормной, ропща и жалуясь съ одной надеждой: скоро война кончится.

Отъ слова стало, отъ слова и станется, коли есть силы чающія, и ни крикъ, ни вопъ ничто не поможеть.

Въ воскресенье вечеромъ было мнѣ знаменіе.

Пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Ростова великаго купецъ и явился ко мнѣ. Купецъ какъ купецъ, видъ благообразный, разложилъ онъ на столѣ книжечки всякія, пошарился, вынулъ изъ кармана бычій рогъ, приставилъ себѣ рогъ къ виску.

— Богъ—бодать—быкъ. Богъ есть быкъ.

И такъ толкуя писаніе такимъ выговоромъ изъ буквы, такое понесь, не дай Богъ.

— А вы въ Бога вѣруете?—перебилъ я.

— Богъ быкъ,—чего-то все радуясь, сказалъ купецъ,—нѣтъ Бога, разумъ.

— Какой разумъ?

— А вотъ тутъ,—и показалъ на лобъ.

И снова понесь выковырь свой толковный, уничтожая писаніе и ветхое, и новое.

И не упомяну, на какой ужъ книгѣ, не вытерпѣлъ я и пресѣкъ толковника.

«Богъ—бодать—быкъ. Богъ есть быкъ!»—звенѣло въ ушахъ, когда отъ толковника ростовскаго давно и слѣдъ простылъ.

Хлѣба въ домѣ не было.

Хрущевская мука на блины пошла. Хлѣба не было. И Хрущовъ пропалъ.

Хлѣба не было да и крупъ оставалось всего на доньшкѣ. Хотъ бы крупъ достать!

Думалъ, въ понедѣльникъ пройду на Надеждинскую, можетъ, выдадутъ. Опять бѣда съ деньгами. Такъ до четверга и довелъ.

И совсѣмъ изъ головы вонъ, что Акумовна-то въ прошеныи день толковала мнѣ, прощеніе прося: «не 14-го, такъ на слѣдующей недѣлѣ въ четвергъ». т.-е. 23-го.

Забылъ, забылъ я о 23-мъ.

И не помю, что мнѣ подъ этотъ день снилось. Помню изъ газетъ: въ тотъ день выскочилъ какой-то Вейсъ и очень осердился, какъ смѣли безъ него хлѣбныя карточки готсвить, и что онъ этого не допустить. И еще помню статью В. В. Розанова объ автомобиляхъ, какъ наша радикальная демократія спитъ и видитъ захватить автсмобили и кататься. А главное и это, какъ Богъ-быкъ въ воскресенье, засѣло въ памяти: государь уѣхалъ въ ставку.

По обѣдѣ, чѣмъ Богъ послалъ, попилъ я чайку и сталъ въ путь снаряжаться, вынулъ мѣшокъ. Есть у меня такой: какъ по этапу гнали когда-то, былъ грѣхъ, этотъ самый мѣшокъ мнѣ вѣрную службу служилъ. За странствіями по бѣлому свѣту все, кажется, перетерялъ я, а мѣшокъ цѣлъ, служить. Взялъ я этотъ мѣшокъ и въ путь.

Забылъ, забылъ я о 23-мъ.

У Казанскаго собора трамвай сталь.

И впереди стоитъ.

Подождали, подождали, кто-то соскочилъ, а за нимъ другіе. И я съ мѣшкомъ. А впереди стѣна. И казаки.

Хотѣлъ я на Михайловскую проскочить—надо же крупъ-то достать!—да нѣтъ, никакъ не пробраться. Тутъ и полиція. Не пропускаютъ.

И пошелъ я за народомъ.

Молча шли. Одна надпись:

«Хлѣба!»

А сзади казаки съ пиками съ большущими. Трогать не трогаютъ, только вернуться никакъ невозможно. Такъ и шли. Не очень ходко. Тѣсно.

Я смотрѣлъ на сосѣдей: лицъ не видѣлъ—одинъ ротъ.

Одни рты:

— Хлѣба!

На Аничковомъ мосту отѣснили меня къ рѣшеткѣ, я на Фонтанку. Прибавилъ шагу.

Тревожно было на волѣ, такъ никто не прохладился, спѣшили.

Какая-то женщина вышла изъ воротъ съ ребенкомъ.

— Назадъ! Куда?—закричалъ на нее съ сердцемъ какой-то,—подстрѣлять!

А никто не стрѣлялъ, тамъ на Невскомъ шли молча и только надпись:

«Хлѣба!»

Съ грѣхомъ пополамъ добѣжалъ я до Надежденской, очень безпокоился: ну какъ лавку-то запрутъ, какъ безъ крупъ домой итти? Да и дума была: какъ теперь домой итти?

А въ лавкѣ ставни закрываютъ, боятся: разгромятъ.

Да не разгромятъ! Никто и голоса не подаеть и рукъ не подымаетъ, идутъ молча и одна надпись:

«Хлѣба!»

Нѣтъ, мнѣ не вѣрятъ, боятся.

Кое-как свѣсили крупь. Уложилъ я въ мѣшокъ. Чернымъ ходомъ выпустили. Напугались и лавку заперли.

А тамъ шли молча, подходили къ Знаменью. И одна надпись:

«Хлѣба!»

Одни рты:

— Хлѣба!

До Михайловской успѣлъ я въ трамвай вскочить. Дальше не пойдетъ. И пошелъ я по Невскому, понесъ мѣшокъ.

На Невскомъ, какъ въ праздникъ. Народъ и казаки. Бдутъ совѣмъ рядомъ, а ничего. Нѣтъ, не такъ было. И ничего не страшно.

Вышелъ ко дворцу. Иду, ташу мѣшокъ: «экій, всѣ руки оттянуль!» На мосту остановился передохнуть. А надъ бѣлой Невой звѣзды.

И какъ увидѣлъ я эти звѣзды, и на душѣ такъ легко, точно прорвало, и вотъ—легко.

Совѣмъ поздно вернулся я домой.

Разсказываю. А на душѣ легко и ничего не думается.

— Да это революція!—услышалъ я.

— Революція?

Пришелъ сосѣдъ Хрущовъ, хлѣба не принесъ.

Я и ему, что на Невскомъ видѣлъ и о хлѣбѣ.

— Да это революція!—опять слышу.

— Неужто революція?—и вѣрить и не вѣрить сосѣдъ.

Пили чай пустой съ крошками, гадали, что дальше, а на душѣ было такъ легко, и я ничего не думалъ.

Я видѣлъ бѣлую просторную Неву и надъ Невою звѣзды.

Алексѣй Ремизовъ.

ЦЕРКОВНЫЙ СОБОРЪ И ЕГО ЗАДАЧИ.

Статья проф. Н. Фиолетова.

Въ исключительныхъ условіяхъ переживаемаго нами историческаго момента церковный соборъ не могъ привлечь къ себѣ того вниманія, которое онъ долженъ былъ имѣть въ болѣе нормальной обстановкѣ и въ болѣе спокойное время. Работа его въ значительной степени остается незамѣченной. А между тѣмъ самъ по себѣ настоящи соборъ и по характеру своему, и по тѣмъ задачамъ, которыя имъ поставлены представляетъ собой не только исключительное явление въ истории русской церковной жизни, но и вообще крупное событие въ церковной истории Христіанскаго Востока. Передъ соборомъ ясно и опредѣленно поставлена задача самоопредѣленія русской церкви, а эта задача въ условіяхъ исторической эпохи неизбежно приводитъ къ такимъ вопросамъ, которые въ православной церкви не получили опредѣленно и точно формулированнаго рѣшенія. Давно уже отмѣчался существенно различный уклонъ богословствующей мысли христіанскаго востока и христіанскаго Запада. Съ самыхъ первыхъ вѣковъ западная церковь проявляла сравнительно очень слабый интересъ къ вопросамъ отвлеченно богословскимъ, къ уясненію и раскрытію философскаго смысла основныхъ христіанскихъ догматовъ, словомъ, къ тому, что называется религиозной метафизикой или «умозрительнымъ богословіемъ». Наоборотъ, сторона церковно-практическая, «практическое богословіе» именно на Западѣ получили наибольшее развитіе. Ученіе о церкви, о ея существѣ и ея внѣшней организаци, о ея земныхъ цѣляхъ и отношеніи къ государству и другимъ формамъ общественной жизни—получило здѣсь ясную и опредѣленную формулировку. Возникновеніе протестантизма и протестантско-католическій споръ, обостривъ проблему церкви, заставилъ обѣ стороны развить и обосновать свое церковное ученіе съ особенной точностью и послѣдовательностью.

На Востокѣ богословская мысль получила другой уклонъ, другое направленіе. Центромъ тяжести ея сдѣлались основные вопросы догматики и общаго религиознаго міросозерцанія, раскрытіе идеи богочеловѣчества въ ея существѣ. Восточное богословіе вступило въ тѣсную связь съ греческой философией, постаралось усвоить себѣ ея пріобрѣтенія и благодаря

этому могло дать такую утонченную и углубленную постановку тринитарной (ученіе о Троицѣ) и христологической (ученіе о личности Христа) проблемъ, до которой западная церковь съ ея нрактическимъ мышленіемъ не могла возвыситься. На вселенскихъ соборахъ и на позднѣйш ихъ восточныхъ помѣстныхъ соборахъ прежде всего сказался этотъ созерцательный, религиозно-философскій геній восточнаго христіанства. Это не значитъ, конечно, чтобы въ сферѣ церковно-практической восточное христіанство не имѣло своего, самостоятельнаго міровоззрѣнія. Въ глубинѣ церковнаго сознанія, въ церковной традиціи коренилось своеобразное понятіе о церкви и это своеобразное понятіе, своеобразное ощущеніе церкви получило свое выраженіе и въ церковномъ устройствѣ и въ отдѣльныхъ церковныхъ институтахъ и въ различныхъ сторонахъ церковной жизни. Не было, однако, теоретически разработаннаго и опредѣленно формулированнаго ученія, не было и опредѣленнаго соборнаго рѣшенія. И русская богословская наука въ этой области ученія церкви не пошла по тому самостоятельному пути, который диктовался ей церковнымъ сознаніемъ. За рѣдкими исключениями (А. С. Хомяковъ) русскія богословскія изслѣдованія не могли подняться здѣсь даже до своеобразной постановки вопроса, оставаясь въ плоскости протестантско-католическаго спора и склоняясь въ ту или другую изъ этихъ спорящихъ сторонъ. При отсутствіи ясной формулировки догмата о церкви естественно затруднялась и практическая разработка системы церковнаго права.

Нынѣ передъ церковнымъ соборомъ эта задача яснаго опредѣленія существа церкви ставится съ особенной настоятельностью. Соборъ созванъ въ критическій моментъ жизни церкви и государства. Рухнули старыя формы церковно-государственныхъ отношеній и старая организаци церковно-правительственной власти. Приходится заново перестраивать строй церковной жизни на всѣхъ ея ступеняхъ, приходится ставить на новую почву всѣ стороны церковной дѣятельности, чтобы она могла отвѣчать новымъ условіямъ и новымъ потребностямъ.

Чтобы сохранить при этомъ основныя начала

православия, чтобы сохранить своеобразие и самобытность церкви приходится заглянуть в глубь вселенского православного сознания, отчетливо уяснить себе ту церковную традицию, в которой выразилось церковное правосознание. Необходимо самоопределение церкви, раскрытие и формулировка православного понятия о церкви. И эта потребность в самоопределении уже ясно почувствована на соборѣ и в той дѣловой работѣ, къ которой онъ нынѣ приступилъ: вопросы о формулировкѣ общихъ понятій о церкви и о церковной власти, объ общественныхъ задачахъ церкви и пр. заняли главное внимание. Вѣ двухъ отдѣлахъ сосредоточились, главнымъ образомъ, эти вопросы: въ отдѣлѣ о высшемъ церковномъ управленіи и въ отдѣлѣ о правовомъ положеніи церкви въ государствѣ: Церковь должна опредѣлить себя въ отношеніи къ своему внутреннему строю и въ отношеніи къ свѣтскимъ формамъ общественности.

Въ отдѣлѣ высшаго церковнаго управленія проблема церкви была выдвинута съ самаго начала при обсужденіи вопросовъ: о соборномъ началѣ въ церковномъ управленіи, о соотношеніи епископата, клира и мірянъ на соборѣ и въ коллегіальныхъ органахъ церковно-правительственной власти, объ отношеніи единоличнаго начала къ коллегіальному и соборному, (въ частности о возстановленіи патріаршества) и пр. Въ газетныхъ замѣткахъ неоднократно отмѣчалось, что съ самаго начала на соборѣ образовались и рѣзко обособились двѣ противоположныя партіи: «реакціонная», «клерикальная» «во главѣ съ епископато» и «прогрессивная», «обновленческая» во главѣ съ представителями университетовъ и академій (т. н. «группа церковнаго возрожденія»). Первая группа, согласно этимъ замѣткамъ, поставила своей цѣлью защиту епископскаго абсолютизма и господства единоличнаго начала (патріарха) въ высшемъ церковномъ управленіи и устраненіе мірянъ отъ активнаго участія какъ на соборѣ, такъ и вообще въ церковной жизни. Другая, наоборотъ, выдвигала въ своей программѣ послѣдовательное проведеніе соборнаго начала «въ смыслѣ равноправнаго представительства іерархіи, клира и мірянъ на всѣхъ ступеняхъ церковнаго управленія» и полное исключеніе начала единоличнаго. Въ дѣятельности эти характеристики являются и чрезмѣрно упрощенными и чрезмѣрно утрированными. Нужно сказать, что именно газетные слухи и тѣ статьи, которыя помѣщались въ «Московскіхъ Вѣдомостяхъ», съ одной стороны, и въ либеральныхъ органахъ печати, съ другой, въ значительной степени вызвали къ жизни самое раздѣленіе на группы и обостряли отношеніе между ними.

На соборѣ и не образовывалось никогда сколько-нибудь серьезнаго безусловно консервативнаго теченія. О безусловномъ абсолютизмѣ епископской власти, объ установленіи исключительно единоличнаго начала, объ устраненіи мірянъ отъ всякаго активнаго участія въ церковной жизни, если не считать отдѣльныхъ, единичныхъ голосовъ, въ сущности не было и рѣчи. Съ другой стороны, не было и сколько-нибудь серьезныхъ попытокъ оспаривать значеніе іерархическаго принципа и отрицать всякое различіе въ формѣ участія въ церковной жизни іерархіи, клира и мірянъ. На соборѣ проявились лишь два уклона церковной мысли, въ большей или меньшей степени подчеркивающихъ двѣ различныхъ стороны въ сущности одного и того же принципа, одного и

того же общаго начала. Самая возможность этихъ двухъ направленій въ значительной степени обусловливалась уже отмѣченнымъ отсутствіемъ разработаннаго и опредѣленно формулированнаго православно-догматическаго ученія о церкви. Не порывая съ православнымъ сознаниемъ, каждое изъ этихъ теченій въ полемическомъ увлеченіи противъ католической или протестантской тенденціи выдвигаетъ впередъ одинъ изъ элементовъ православнаго пониманія церкви. Но уже сейчасъ, въ тѣхъ оживленныхъ преніяхъ, которые ведутся въ отдѣлѣ высшаго церковнаго управленія, явственно начинается сказываться и то объединяющее, что связываетъ эти оба теченія въ единомъ православномъ сознаніи. Своеобразная традиція восточнаго христіанства не даетъ спору перейти на протестантско-католическую, западную постановку. И въ особенности когда споръ постепенно отъ отдѣльныхъ историко-каноническихъ справокъ перешелъ въ плоскость общихъ началъ, стали выясняться и общія догматико-каноническія основы. Апостольскій образъ церкви какъ «тѣла Христова», какъ живого организма, въ которомъ всѣ члены находятся въ живомъ и тѣсномъ взаимообщеніи между собой, являются живыми и активными членами цѣлаго—этотъ образъ сдѣлался отправной точкой. Соборное начало почти всѣми понималось какъ выраженіе этого взаимообщенія. Безусловно принимается и преимущественное значеніе соборнаго принципа въ церковномъ управленіи. И если вначалѣ еще были панегиристы единоличнаго управленія, въ возстановленіи патріаршества видѣвшие панацею отъ всѣхъ бѣдъ церковной жизни, въ общемъ и сторонники патріаршества далеки отъ того, чтобы соединять съ этой формой начало абсолютизма или даже церковнаго монархизма. Патріархъ представляется лишь какъ коррективъ къ синодальной формѣ, являющийся объединяющимъ центромъ и органомъ внѣшняго представительства церкви. Во всякомъ случаѣ онъ мыслится непремѣнно подчиненнымъ и подотчетнымъ по отношенію къ собору. Споръ идетъ лишь о томъ, долженъ ли быть высшій исполнительный органъ исключительно коллегіальнымъ или необходимо здѣсь сочетание единоличнаго и коллегіальнаго начала въ какой-либо степени. Также и въ горячемъ спорѣ объ участіи мірянъ на соборѣ и вообще въ церковномъ управленіи, осталась въ сторонѣ та католическая тенденція, которая отождествляетъ всю церковную власть съ епископато» и только въ немъ видитъ активную сторону церкви. Споръ шелъ лишь о томъ, могутъ ли быть равнозначными голоса епископовъ и мірянъ и каково должно быть ихъ взаимоотношеніе. Определенно развивается и все болѣе укрѣпляется, однако, мысль, что для подлинно церковнаго акта необходимо согласіе и единодушное рѣшеніе іерархіи и «міра церкви». Подробно развивается и единодушно признается и мысль о своеобразномъ нравственномъ характерѣ самой церковной власти въ православной церкви. Выдвигается, наконецъ, идея всенароднаго, «общецерковнаго признанія» («рецензии»), какъ единаго источника обязательной силы церковныхъ рѣшеній. Истина живетъ не въ какомъ-либо органѣ или учрежденіи церковномъ, а во всей церкви въ ея цѣломъ, и только церковь во всей совокупности ея членовъ можетъ высказывать непогрѣшимыя сужденія. Самыя соборныя рѣшенія, съ этой точки зрѣнія, должны быть еще признаны, «рецензированы» со стороны всего

«міра церкви», всего церковного общества. Эта своеобразная идея, придающая своеобразный характер самому понятію о церковной власти и церковномъ правѣ, выдвинутая мірскими членами собора, нашла признаніе и въ епископатѣ. Путь къ уясненію и формулировкѣ своеобразнаго православнаго ученія о церкви уже намѣчается.

Вопросъ о самоопредѣленіи церкви съ самаго начала былъ поставленъ и въ отдѣлѣ о правовомъ положеніи церкви въ государствѣ. И здѣсь работа не ограничилась разработкой конкретнаго законопроекта, опредѣляющаго юридическое положеніе церковныхъ учрежденій въ условіяхъ новаго государственнаго строя. Вопросъ вскорѣ перешелъ на принципиальную почву. Возникла проблема отношенія православія къ формамъ государственной и общественной жизни, а вмѣстѣ съ ней проблема христіанской политики и христіанской социологіи. Было постановлено выработать особую декларацию, въ которой выраженъ былъ бы принципиальный взглядъ православной церкви на задачи мірскихъ формъ общественности и каноническое опредѣленіе отношенія церкви и государства. Намѣтились уже и основныя начала этой декларации. Признана опредѣленно невозможность безразличнаго отношенія къ государственности и общественности. Задача христіанизации общественныхъ формъ, и отсюда христіанская политика и социологія, признавалась необходимой задачей церкви, вытекающей изъ ея земнаго призванія. Съ другой стороны безусловно признана и идея религиозной

свободы. На началахъ этой свободы основано свободное социальное творчество церкви. Признана безусловно и принципиальная несвязанность церкви съ какой-либо конкретной формой государственнаго строя. Не по формѣ, а по духу производится христіанская оцѣнка государственной жизни.

Въ вопросѣ о конкретномъ положеніи церкви въ новомъ русскомъ государствѣ совершенно единодушно отвергнута мысль о полномъ отдѣленіи церкви отъ государства и въ общемъ принята та система, которая въ западной наукѣ носитъ названіе «теоріи правового государства» или «теоріи государственнаго верховенства». Церковь признается автономной и публично-правовой корпораціей. Конкретное раскрытіе въ отдѣльныхъ положеніяхъ этой системы составляетъ предметъ занятій отдѣла въ настоящее время.

Въ какой степени будутъ выполнены тѣ задания, которыя поставлены нынѣ въ этихъ соборныхъ работахъ? До какой степени сможетъ соборъ ту форму свободнаго самоопредѣленія, въ которой русская православная церковь сможетъ сохранить и свою каноническую самобытность и стать вмѣстѣ культурной, христіанозирующей силой въ условіяхъ современной общественной жизни? Отъ этого въ значительной степени зависятъ и судьбы національной русской культуры и русской общественности. Но въ всякомъ случаѣ, самая задача неизбѣжно ставится исторіей передъ православно-христіанскимъ міромъ.

Проф. Н. Фіолетовъ.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

Статья Георгія Чулкова.

I.

Въ Петроградѣ, на огромной площади, въ одномъ изъ старыхъ домовъ, есть подвалъ, и тамъ, когда столица, утомленная буйнымъ вѣтромъ революціи, безконечными политическими выступленіями и лихорадочною борьбою за власть, часамъ къ одиннадцати засыпаетъ,—тамъ, въ подвалѣ, начинается своеобразная ночная жизнь, непохожая вовсе на жизнь совѣтовъ, партій, комитетовъ, союзовъ, улицы и Зимняго Дворца.

Въ этомъ подвалѣ живутъ и его навѣщаютъ совсѣмъ особые люди. Правда, тамъ бываютъ и случайные гости, но они приходятъ туда изъ любопытства и сидятъ въ сторонкѣ, недоумѣвая и чувствуя себя лишними. Дѣло, конечно, не въ этихъ постороннихъ зрителяхъ, а въ той кучкѣ поэтовъ, актеровъ, художниковъ, которые спасаются въ подвалѣ отъ всероссійскаго потопа, какъ Ной въ ковчегѣ. Спасутся ли? Да и праведны ли они, какъ праведенъ былъ старый Ной?

Я зналъ этихъ обитателей подвала еще до войны, когда ветхій порядокъ доживалъ свои послѣдніе дни въ жалкомъ великолѣпнн петербургской императорской Россіи.

Кто они, эти бродяги, эти комедіанты, эти мечтатели? Или вѣрнѣе—хѣмъ они были и кѣмъ стали? Они были декадентами, одинокими эстетамы, грустившими, какъ ихъ любимецъ Пьеро, о какой-то дивной, но невѣрной Колумбинѣ; они были скептиками, на-

смѣшниками и любителями каламбуровъ; они были сладострастниками безъ самодовольства, расточителями безъ богатства... Иные изъ нихъ были революционерами безъ страсти къ разрушенію, другіе—монархистами безъ привилегій...

Вотъ объ одномъ изъ этихъ вчерашнихъ романтиковъ нынѣ послѣ долгой и мучительной болѣзни скончавшейся монархіи я и хочу записать нѣсколько словъ на листкахъ моего дневника.

На дняхъ я былъ въ Петроградѣ и, утомившись безконечными разговорами о коалиціонной власти, о развалѣ арміи, о свадьбѣ Керенскаго, о всероссійской забастовкѣ и приключеніяхъ Ленина, рѣшилъ пойти къ моимъ подвальнымъ друзьямъ, посмотрѣть, какъ они живутъ, послушать пѣсенки, какія они распѣваютъ теперь въ своемъ ночномъ убѣжищѣ.

На первый взглядъ, подвалъ былъ все тотъ же. Я миновалъ мрачный петербургскій дворъ, спустился внизъ по скользкимъ каменнымъ ступенямъ, татарченокъ въ красномъ халатѣ снялъ съ меня плащъ, и я вошелъ подъ знакомые своды, расписанные фантастично однимъ изъ чудесныхъ нашихъ мастеровъ, успѣвшимъ, несмотря на хмель богемы, послужить достойно музѣ.

Я пробрался, среди шаткихъ столиковъ, въ уголокъ, куда мнѣ дали кофе, и сталъ смотрѣть на знакомую крошечную сцену: тамъ танцовала скромно нескромный танецъ хрупкая маленькая актриса, умненькая и нѣжная, которую въ первый разъ я увидѣлъ въ театрѣ покойной В. О. Комисаржевской, въ тѣ дни,

когда шли тамъ освистанныя и прославленные пьесы нашихъ «проклятыхъ» поэтовъ. Но—Боже мой!—какъ измѣнилось лицо у этой любимицы петербургскихъ эстетовъ. Она улыбалась, но какая это была жуткая и грустная улыбка!

Такъ вотъ они какіе теперь, эти комедіанты, все еще танцующіе свои изысканные хореографическіе вымыслы, распѣвающие горькіе куплеты о сладостной любви, когда на улицахъ трещать пулеметы и носятся съ ревомъ сумасшедшіе бронированные автомобили, наводя ужасъ на русскихъ республиканцевъ.

Послѣ спектакля, когда ушли гости и остались одни завсегдатаи подвала, ко мнѣ подошелъ старый знакомый, небезызвѣстный поэтъ и отчасти композиторъ, чьи стилизованныя пѣсенки распѣвали на эстрадахъ и въ салонахъ весьма охотно, пока ихъ не заглушили мѣдные звуки революціонныхъ маршей и непрестанные крики о равенствѣ всѣхъ и всего. Этотъ милый поэтъ былъ, какъ всегда, не одинъ. Около него вертѣлся юноша съ цвѣточкомъ въ петлицѣ, и поэтъ посматривалъ на него съ нѣжностью, какъ многоопытный мэтръ на неискушеннаго еще ученика.

— О чемъ мы будемъ говорить съ этимъ поэтомъ?—думалъ я, припоминая его стихи, въ которыхъ онъ воспѣвалъ то мечъ Архангела Михаила, то маркизъ во вкусѣ Ватто, то хорошихъ мальчиковъ, то александрійскихъ куртизанокъ. О, какъ любилъ этотъ поэтъ бряцаніе оружія и пышность самодержавной монархіи! Правда онъ часто мѣнялъ свои костюмы и вкусы, то щеголяя галлицизмами и одѣваясь, какъ парижанинъ, то появляясь въ истинно-русской поддевкѣ и цитируя наизусть Прологъ. Но во всѣхъ нарядахъ этотъ жеманный поэтъ оставался вѣренъ своему пристрастію къ прелестямъ стараго порядка и брезгливо отвертывался отъ революціи, загнанной тогда въ подполье.

— Къ какой вы партиі принадлежите теперь?—спросилъ я поэта, улыбаясь.

— Разумѣется, я большевикъ,—отвѣтилъ онъ тотчасъ же, не смущаясь и не стыдясь меня вовсе.

Замѣтивъ, что я съ недоумѣніемъ смотрю на него, поэтъ игриво засмѣялся и тронулъ меня за руку.

— Вѣдь, нельзя же воевать безъ конца, вы понимаете,—сказалъ онъ тихо, оглянувшись по сторонамъ.

— Какъ?—удивился я:—Вы, такой патриотъ, малодушно боитесь войны?

Онъ смотрѣлъ на меня своими большими круглыми глазами, грустными и, пожалуй, лукавыми, и губы его все еще кривились въ улыбку.

— Признаюсь, Ленинъ мнѣ больше нравится, чѣмъ всѣ эти наши либералы, которые кричатъ о защитѣ отечества. Въ XX вѣкѣ воевать и странно, и противно.

— Вотъ не думалъ, что вы станете толстовцемъ,—пробормоталъ я, не рѣшаясь назвать этого эстета большевикомъ.

— Я не толстовецъ,—поправилъ меня тотчасъ же поэтъ:—Я терпѣть не могу англичанъ. Понимаете? А теперь въ сущности воюетъ Англія съ Германіей. Намъ надо мириться съ нѣмцами—вотъ и все.

— А вы помните изреченіе Кузьмы Пруткова: «въ сепаратномъ договорѣ не ищи спасенія»—попробовалъ пошутить я, чувствуя неловкость при созерцаніи этой метаморфозы декадента-черносотенца въ революціонера-большевика.

— Сепаратный миръ! Насъ пугаютъ сепаратнымъ

миромъ! Какіе пустяки! Вчера я видѣлъ инвалидовъ, знаете, безъ ногъ, безъ рукъ, размахиваютъ костылями и требуютъ продолженія войны. По моему, это эгоизмъ: «насъ изуродовали, такъ и васъ тоже пусть уродуютъ». Какая глупость.

— Но вы, вѣдь, такъ любили Россію. Вамъ, вѣроятно, больно, что она будетъ унижена, раздавлена и ограблена...

— Ахъ, что за бѣда. Отдадимъ Петербургъ: у насъ такъ много земли...

Спутникъ поэта кивалъ сочувственно головою:

— Война—это буржуазная затѣя,—гримасничалъ юноша, дымя папироскою:—И нѣмцы намъ ближе все-таки, чѣмъ какіе-нибудь бельгійцы и всѣ эти наши милые союзники...

Я вспомнилъ, какъ лѣтъ пять тому назадъ мой милый декадентъ допрашивалъ меня не безъ ироніи, за что меня отправляли въ Якутскую область и «неужели я до сихъ поръ сочувствую социализму».

— Въ качествѣ большевика вы теперь, пожалуй, измѣнили вашъ взглядъ на социализмъ,—спросилъ я, съ любопытствомъ вглядываясь въ пустые невинно-порочные круглые глаза поэта.

— Социализмъ? Я ничего не имѣю противъ. Мнѣ все равно,—промямлилъ онъ неохотно...

II.

Вечеромъ на другой день зашелъ я къ моему знакомому старику, съ которымъ встрѣтился я въ первый разъ на заимкѣ, въ глухой тайгѣ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Онъ жилъ теперь на Петроградской сторонѣ, въ огромномъ небоскребѣ, занимая небольшую комнату подъ небесами, всю уставленную полками съ книгами—единственнымъ его достояніемъ. По своей ученой специальности онъ былъ историкомъ, по своей жизненной дѣятельности революціонеромъ. Ему знакомы были десятки тюремъ, онъ девять лѣтъ провелъ на каторгѣ и дважды ему грозила висѣлица.

Я люблю этого старика вѣрно и неизмѣнно, несмотря на глубокое различіе нашихъ пониманій міра; люблю его дѣтскіе и мудрые глаза; люблю его цѣломудренное сердце; люблю его безстрашіе, его скромность; люблю его складную русскую рѣчь; люблю его за то, что любитъ онъ русскую землю безъ сантиментальности и безъ лишніхъ словъ.

Я засталъ моего старика за географической картой, утыканной булавками. Это была линія фронта на Ипрѣ.

— Вы, я вижу, равнодушны къ войнѣ,—сказалъ я, указывая на карту.

— Какая же это война?—поднял на меня глаза старикъ, не улыбаясь ничуть:—Это вовсе не война, дорогой мой. Это не война, а революція—настоящая всемірная революція. Это возстаніе противъ послѣдняго оплота политической реакціи въ Европѣ: Если Гогенцоллернъ и его юнкера одолѣютъ Европу, мы будемъ отброшены назадъ на столѣтіе по крайней мѣрѣ.

— А вотъ говорятъ, что войну ведутъ капиталисты для собственнаго удовольствія. Англійскіе купцы до такой степени заинтересованы въ военныхъ барышахъ, что добровольно послали своихъ сыновей въ окопы: пусть умираютъ. Тоже продѣлали злодѣи лорды. И французскіе промышленники не отстаютъ отъ союзниковъ. Они даже, негодяи, послали на фронтъ поз-

товъ. И тѣ дрались, какъ львы, и умирали, защищая республику и свободу. Неправда ли какая возмутительная буржуазная интрига обнаруживается здѣсь? Если бы эти буржуи понимали что-нибудь въ свободѣ, прогрессѣ и культурѣ, они, разумѣется, впустили бы пруссаковъ въ Парижъ и стали бы брататься съ Гинденбургомъ. Ихъ буржуазность дошла до такой наглости, что они хотятъ освободить Бельгію отъ оккупации.

Старикъ нахмурился:

— Не шутите, дорогой мой. Теперь не до шутокъ.

— Хорошо. Я не буду шутить. Но что вы скажете о социальной революціи? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ пришла пора водворить на землѣ социализмъ незамедлительно.

— Дорогой мой. Я социалистъ. Или вы сомнѣваетесь въ этомъ?

— Да, вы социалистъ.

— И вотъ потому, что я социалистъ, я говорю вамъ: всѣ, кто увѣряютъ сейчасъ народъ въ возмож-

ности социальной революціи, обманщики или глупцы. Подумайте. У насъ въ Россіи семьдесятъ пять процентовъ неграмотныхъ. Мы еще не знаемъ даже азбуки гражданственности, а насъ хотятъ сдѣлать учителями всего міра. Что это такое? Никогда, даже при царизмѣ, я не боялся такъ за судьбу социализма, какъ въ наши дни. Какіе-то странные люди—одержимые, что ли?—дѣлаютъ все, чтобы скомпрометировать идею социализма, чтобы втоптать въ грязь наши до сей поры незапятнанныя знамена. Да что я говорю: социализмъ! Эти люди подорвутъ довѣріе въ народѣ даже къ республикѣ... Вы знаете, вчера ко мнѣ пришелъ К. Я говорю: «Что дѣлаешь? Какъ живешь?». А онъ мнѣ: «Перечитываю Жозефъ де-Местра». Я его прогналъ. Нѣтъ, я по прежнему республиканецъ и социалистъ и смѣю думать, что подъ флагомъ социализма къ намъ привезли контрабанду—самую гнусную прусскую реакцию...

Георгіи Чулковъ.

4 октября 1917 г.

СОЛДАТСКІЯ БЕСѢДЫ.

Записи С. Федорченко.

— Нигдѣ я такого жасмину не видалъ,—не кустъ,—не дерево... Духъ, сердце держить... Въ такую роцу жасминную насъ и поставили. Лѣгли,дохнуть тяжело отъ жасмину... Въ головѣ, ровно старая бабка сказку сказываетъ. Вѣрныхъ мыслей нѣтъ, ни скуки, ни страху, сказка да и только... Однако скоро сказка та покончилась... Ударило по самому жасмину, перестало чудиться, какъ Степняковъ благимъ матомъ, ноги жалѣть сталь... Обѣихъ лишился... Я вонъ въ той же сказкѣ глазъ проглядѣлъ... Лиха бабка пусть ему сказку сказываетъ...

— Что ему не скажи, онъ все тебѣ въ морду... За «точно такъ» и то въ зубы... Ну, силъ моихъ не стало, а пожалиться нельзя, не принимаютъ жалобъ на господъ офицеровъ... А какой онъ господинъ... Былъ не заводѣ, при конторѣ писаремъ, и самъ себѣ все справлялъ. А теперь до человѣка добрался, и не то что полковникъ, а и генераль такъ драться не станеть.

— Я въ его цѣлюсь, не знаю кто, а сильно желаю, чтобы нѣмецъ былъ. Цѣлюсь съ сучка, долго примѣрялся, и выстрѣлилъ очень успѣшно... Повалился—не пикнулъ, и нѣмецъ оказался... Здоровый, какъ быкъ...

— А потомъ начальство жидовъ къ намъ предоставило. Ну и смѣху было... Который реветъ бѣлугой, который, какъ пришелъ, такъ легъ, словно мертвый,—самъ бѣлый, только уши торчатъ... А который подошлѣ, такъ все до господъ офицеровъ лѣзетъ, все шепчется... Да ужъ тутъ, шепчи не шепчи, а со всѣми дѣйствуй... Въ землѣ сидѣли, ничего... А какъ вошли мы въ ..., зашли въ домъ со Степой Ковалевымъ, и всякаго добра много увидели... Не знаемъ, что до чего... И такіе, и эдакіе предметы; хорошо живутъ

враги... Разстелили мы одѣяло, и класть стали,—что кому, потомъ разберемъ... И по совѣсти скажу, не грѣхъ... Все равно, не мы, такъ другіе, хозяевъ нѣту. Нѣтъ хуже, какъ домъ бросать, а и остаться не сладко.. Особливо бабѣ. Господи, какъ увидишь бабу, чистого жеребцомъ ржешь... Тутъ плачь не плачь, а только поворачивайся... Какъ уклали мы въ одѣяло, жидокъ нашъ пришелъ. Ребята, говорить, нельзя такъ. А мы молчимъ... Онъ еще лопотать, а мы молчки свое... Онъ осерчалъ, въ крикъ, ротный зашелъ. Ему смѣшно, а нельзя, обязанъ запретить. Самъ хохочетъ, а вещи бросить велить... Ну, и было жиду, и отъ насъ, и отъ ротнаго... Въ лазаретъ ушелъ...

— Я думаю, успѣю сбѣгать. Такъ мнѣ рубаха эта нужна, такъ мила... Да и бабу повидать хочу, стирку. Хорошая баба, ничѣмъ не обидѣла. Да на встрѣчу австрицу и пошелъ, я съ одного конца въ деревню, а онъ съ другого. А изба-то бабина на австрійскомъ концѣ... Я вскочилъ въ избу, да хватъ бѣлье съ полки, какое ни на есть, бабу за груди, да въ дреръ, да драла... А они орутъ, да стрѣляютъ... Ни одна не попала... А портокъ четыре пары, и рубаху теплую взялъ... Приданое имѣю, хоть сейчасъ подъ вѣнецъ...

— Я такой глупый былъ, что спать ложился, а руки на груди крестомъ складывалъ... На случай, что во снѣ преставлюсь... А теперь ни Бога, ни чорта не боюсь... Какъ всадилъ съ рукою штыкъ въ брюхо, словно сняло съ меня что-то...

— Чудное чудо на насъ нашло, страшное войско до насъ пришло, пронеси свѣтлу душу черезъ ту череду, проведи добро сердце черезъ ту бѣду, по чужой по винѣ на тотъ свѣтъ иди, за чужой за грѣхъ души плати...

— Связалъ я ему руки, а когда до лѣску дошли, я его поясомъ за ноги спуталъ, что коня. Говорю, садись, отдыхать станемъ. Онъ сѣлъ, я ему сейчасъ папироску въ зубы, усмѣхнулся, а самъ ажъ синій... Спрошу—офицеръ. Головою кивъ; спрошу—солдатъ. Головою—кивъ... Не пойму... Курю, и въ думкѣ прикидываю, какъ бы познатнѣе представить, чтобы наградили... Выкурилъ. Вставай, говорю, пойдемъ,— молчить... Я опять сурово, онъ молчить... Смотрю, усмѣхается, и папироска въ зубахъ потухла... Тро- нуль—а онъ мертвый...

— Я къ оконцу, стукъ-стукъ... Баба отперла, робкая бабенка, дрожить молчить. Я хлѣба прошу. На стѣнкѣ шкапъ, оттуда хлѣба да сыру достала, и вино стала на машинкѣ грѣть. Ёмъ, ажъ за ушми трещить. Думаю, нѣтъ такой силы, чтобы меня съ того мѣста выманить... Опять въ оконце стукъ-стукъ. Баба, ровно и мнѣ, отперла... Гляжу, австриецъ въ избу ввалился... Смотримъ другъ на дружку, кусокъ у меня поперекъ, хоть рвать въ пору... Что дѣлать, не знаемъ... Сѣлъ, хлѣбъ взялъ и сыру. Жретъ, такъ убираетъ, не хуже меня. Вино бабенка подала горячее, да двѣ чашки. И стали мы пить, ровно шабрь какіе. Попили, поѣли, легли на лавкѣ, голова къ головѣ... Утромъ разошлись... Некому приказывать было...

— Ни за что ты не въ отвѣтъ. Бьетъ ли нѣмецъ, али мы бьемъ,—никто не въ отвѣтъ... А у нѣмцевъ, говорятъ, всякій отвѣчаетъ, долженъ знать, что дѣлаетъ... Ихъ развѣ такъ учать, какъ насъ,—ра-та-та, да та-та-ра... Нѣтъ, имъ доказываютъ, какъ враги живутъ, и какія привычки имѣютъ... А съ боя вернулся, допросъ, ты что сдѣлалъ... По приказу каждый выполняетъ... Многому насъ нѣмцы научать, да пока научать—умучать...

— Я этого не смогъ перетерпѣть, что я мальчишка что ли, что бы меня бить. Пришелъ и доложилъ, а замѣсто правды, меня въ карцеръ, да опять бить. А вернулся, такъ издѣвались... Просто до чего плохо жилось... Здѣсь же я все прощаю, всѣ вмѣстѣ мучимся...

— Объ одномъ жалко солдата, что у него голова на плечахъ... Эхъ, кабы да только руки-ноги, воевалъ бы безпечно, царю славу добывалъ...

— Нѣтъ добра въ моей душѣ для дома оставшихся. Когда читаю, что тамъ жить худо, радуюсь... Пусть, думаю, пожрутъ другъ друга, какъ гады, за то, что насъ на муку послали...

— Остался я, забыли что ли. Сторожу... День живу, сухари ёмъ. Второй день, не стало сухарей. На трети, такъ голодно стало... Пошелъ искать, нашель грибъ. Воду въ жестянкѣ закипятилъ, съ грибомъ сѣлъ, все вырвало. Что дѣлать... За мной не идутъ... Къ вечеру, хоть помирать впору, животъ болитъ, корчить, рветъ... Холера напала, пришли и въ баракъ взяли... Вотъ-те и вся моя служба была...

— Имѣнья у меня съ войны немного. Грабить не грабилъ, а что деньги чужія есть, такъ то дадены жидовкой, заступился. Я приглядываюся, а они стараго жидка

въ пейзахъ,—столѣтній жидъ, сухой, пейзаый на ногахъ чулки бѣлые, а волосъ, ажъ дожелта сѣдой,— такъ земляки его нагайками черезъ изгородь скакать заставляютъ. Я до нихъ, Бога не боитесь, старый жидъ-то, грѣхъ какой... Они пустили, а жидовка мнѣ лопочеть да деньги суеть. Я взялъ. Десять коронъ...

— Все наново переучиваю. Сказалъ Господь Сынъ Божіи—не убей. Значить—бей, не жалѣй... Люби моль ближняго, какъ самого себя, значить—трани у него корку послѣднюю... А не дасть добромъ—руби топоромъ... Сказано: словомъ нечистымъ не погань рта,—а тутъ пой про матушку родную пѣсни похабныя, на душѣ отъ того веселѣе, моль... Одно слово, рости себѣ зубы волчьи, а коли пѣзно, не выростуть,—такъ на вотъ тебѣ штыкъ, да пушку, вгрызайся ближнему подъ ребры... А что бы сталъ я воинъ, какъ картина,—такъ еще и плетями вспрыснуть спину.

— Я ужъ домой не хочу вернуться, что я тамъ не видалъ. Здѣсь землю куплю, и съ жителями буду хорошо обращаться, чтобы кровь забыли. Нашей-то крови тоже не мало пролито... Земля отъ крови парная, хорошо родить будетъ... Войну люди скоро забудутъ...

— Наладилась туча—середь ясна дня; наладилась война—середь русскихъ людей; плачутъ бабы, дѣвки, дѣти малые; старые клянутъ порождение...

— По хотѣнію Вильгельмову, по велѣнію Антихристову, понапущено войны кругомъ земли... На краю хлѣба война повыѣла, на корню людей война повыбила... До споконъ-вѣковъ, такой не было; грома тяжче, война, острѣй молоньи; гнѣва Божьяго война не милостивѣе...

— Пшеница, что ни колось, то Богу слава. Словно трубы архангельскія. А по пшеницѣ солдатикіи убитые лежатъ, и наши, и ихніе. Свѣжіе, еще духу нѣту, больше полемъ на тебя тянетъ. А промежь убитыхъ, дѣти бродятъ, потеряныя. Баба какъ бѣжать надумала, сейчасъ она грудного на руку, а малого за руку. Малый отобьется, и по хлѣбамъ потеряется. Все двухлѣтки, да трехлѣтки. Красивые ребятки у нихъ... А ужъ до того напугавшись, что и плакать давно забыли, голось пропалъ... Словно столбнякъ у нихъ. Рожка-то въ грязи и слезахъ присохла. А у кого и кровь, побились, что ли... Мыль ихъ да кормить сестры стали. Молчатъ, ровно куклы какія... Только ужъ версть черезъ десять отошли, опомнились, ревѣть начали... Дѣтямъ плохо...

— Получилъ онъ письмо, заперся часа на три. А потомъ меня зоветъ: Иванъ, говоритъ, прибири халупу... А прибрана съ утра. Слушаю, моль... Кручусь, съ мѣста на мѣсто переставляю. Покрутился, ушелъ... Опять, погода, кличетъ. Сидитъ съ письмомъ въ рукѣ, чудной какой-то... Иванъ, прибири халупу, говоритъ... Я опять покрутился, вышелъ... Погодя, опять зоветъ, за тѣмъ же. Что это, думаю, его разобрало. А какъ бышелъ я изъ халупы, онъ и застрѣлился...

— Выпилъ бы ведро водки, вотъ какъ скучаю, всегда занимался... А теперъ жизнь звѣрская, такъ въ звѣриномъ-то образѣ, легче бы было...

ФРАНЦУЗСКИЙ УЧЕБНИКЪ.

Статья В. Дороватовской.

«La première année d'histoire de France par Ernest Lavisse de l'Académie française. Cours moyen—9 à 11 ans».

Не всякому народу доступная роскошь,—отечественная история, рассказанная крупным ученым маленьким гражданам своей страны.

Задача сама по себе трудная и ответственная. Но мы не будем говорить о том, как справился с нею Лависс. Его особенность—чисто французская точность выражения, делающая понятными самые трудные вопросы даже непосвященным.

Выводы, несомненно, должны быть основательно запомнены, а может быть и выучены наизусть, настолько безусловными кажутся они французамъ.

Это первые знания, первые мысли, которые лягут в основу будущих зрелых убеждений, это то, что войдет в плоть и кровь граждан французской республики, что будет приниматься впоследствии как аксиома, что никогда уже больше не потребует доказательствъ.

А для нас, граждан русской республики, это книга о том, как французы учат своих детей патриотизму и гражданственности.

На первой же страницѣ учебника дети прочтутъ, что их долгъ любить и защищать свою родину—землю своихъ отцовъ. Они узнаютъ, что въ тѣ далекія времена, когда страна ихъ называлась Галліей и была раздроблена на мелкіе народы, враждовавшие другъ съ другомъ,—отечества не существовало. Они узнаютъ, что не существовало отечества и тогда, когда Галлія подчинилась Риму, когда феодалы разрывали Францію на части междоусобными войнами, они узнаютъ, что не дали сознанія отечества и абсолютные короли, сделавшіе первый шагъ къ объединенію Франціи, но развратившіе народъ свой. Страна становится отечествомъ лишь въ тотъ моментъ, когда все население ея сознаетъ себя связаннымъ братскими узами, сознаетъ себя подчиненнымъ одной идеѣ, которая сильнѣе смерти.

Маленькіе французскіе граждане учатся вѣрить, что нѣтъ высшей доблести какъ жить и умереть за отечество и нѣтъ большаго преступленія, чѣмъ преступленіе противъ отечества.

Они далеко не индеферетны, эти маленькіе школьники, они учатся и любить, и ненавидѣть, потому что безъ любви и безъ ненависти нельзя служить своей родинѣ. Въ 11 лѣтъ они знаютъ, что недостаточно ненавидѣть Людовика XV, худшаго изъ французскихъ королей, что нужно проклясть его память. Это дети учатся проклинать память человека, погубившаго ихъ отечество, и это дети учатся прощать пороки Ришелье, потому что онъ хотѣлъ величія Франціи и далъ ей его.

Они твердо знаютъ, что нѣтъ большаго преступленія передъ родиной, какъ разорвать связь между ея детьми и посѣять вражду между ними. Гражданскія войны величайшее зло, потому что онѣ убиваютъ идею отечества и отдаютъ его на растерзаніе чуждымъ народамъ.

«Запомните эти несчастныя времена, говоритъ ученый историкъ своимъ маленькимъ соотечественникамъ, чтобы ненавидѣть гражданскія войны,—ве-

личайшее преступленіе, приносящее родинѣ больше зла, нежели самыя губительныя внѣшнія войны».

Маленькіе граждане учатся высоко держать знамя своего отечества. Имъ подробно рассказали, чѣмъ можетъ и чѣмъ должна по справедливости гордиться Франція. У нихъ есть и сознаніе собственного достоинства и самоуваженіе и національная гордость.

Не надо думать, что это похоже на самодовольный нѣмецкій патриотизмъ, приведшій къ идеѣ всегерманизма, французскіе школьники выучили наизусть, что «Франція никому не угрожаетъ и требуетъ отъ своихъ сосѣдей только уваженія къ своей свободѣ и своимъ правамъ, чтобы защищаться, а не нападать организовала она свою армию».

Они знаютъ, что поступки нации должны диктоваться не только эгоистическими мотивами выгодъ, но и велѣніями чести и совѣсти. Ослабленная Франція не исполнила въ свое время долга чести, не вступилась за разграбленную Польшу и это былъ ея политическій проступокъ.

Французы не побоялись дать своимъ детямъ учебники со столь опредѣленными и рѣзкими сужденіями.

Потомъ они разберутся, гдѣ правда, а гдѣ ея нѣтъ, и можетъ быть найдутъ свою истину,—но будущіе дѣятели Франціи не вступятъ въ жизнь съ опустошенной душой, съ презрѣніемъ къ своему народу, съ невѣріемъ въ свои силы, отравленные ядомъ скептицизма и нигилизма.

Счастливые маленькіе граждане, какъ много знаютъ они о своемъ отечествѣ въ 9—11 лѣтъ и счастливая Франція, если даже школьники ея знаютъ, что она ихъ великая и прекрасная родина!

— Намъ что, хоть бы и Вильгельмъ пришелъ, такъ же будемъ работать какъ и сейчасъ работаемъ, на той же самой фабрикѣ, развязно выкрикиваетъ мастеровой.

— Отечество долженъ защищать, возражаетъ баба въ платкѣ.

— Очень мнѣ нужно твое отечество, коли я въ немъ съ голоду подыхаю.

И будущій русскій министръ, въ тотъ страшный годъ, когда Россія, несчастная и побѣжденная, истекла кровью, защищая свои предѣлы, писалъ, что «есть у насъ социалистовъ наше общее великое отечество. Это отечество интернациональ». Будущій русскій министръ проповѣдовалъ тогда пораженіе Россіи.

А выборные представители русской демократіи, коммиссія для иностранныхъ сношеній при Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, заявили, что «русскіе министры социалисты-интернационалисты во все не походятъ на заграничныхъ министровъ социалистовъ-патриотовъ. Тѣ, входя въ правительство, приносятъ съ собой миръ и единеніе, а наши министры-социалисты приносятъ усиленіе классовой борьбы, всѣми силами доставшейся въ ихъ руки власти».

Вожаки русской демократіи не знаютъ еще того, что такъ хорошо запомнили французскіе школьники отъ 9 до 11 лѣтъ.

Какъ бы удивился маленькій гражданинъ свободной страны, если бы по какому-нибудь странному случаю услышалъ то, что повторяютъ у насъ и тѣ, чьи

темныя головы не озарило просвѣщеніе, и тѣ, что держать въ своихъ рукахъ судьбы Россіи.

Несчастливая, многострадальная родина, виновата ли ты, что не научила своихъ сыновей любить и заицать себя?

Шовинизмъ, варварство, черносотенство, вредный предрасудокъ,—вотъ чѣмъ рисковалъ быть заклеяннымъ тотъ, кто вздумалъ бы проповѣдывать необходимость учиться патриотизму и национальной гордости.

Изъ первой серьезной книги, отъ перваго наставника мы узнавали, что Россія страна рабства и угнетенія и что долгъ честнаго гражданина ненавидѣть несчастную нашу дѣйствительность.

И въ этомъ глубокая правда.

Мы учились ненавидѣть,—но намъ нечего было любить. Со школьной скамьи мы узнавали всѣ тяжелыя стороны нашей жизни,—но мы не знали, чѣмъ но справедливости мы можемъ гордиться.

У насъ были скучныя оды—и блестящія сатиры. Бездарная радость и гениальная скорбь.

Но мы широко размахнулись, мы крайнѣи народъ и не знаемъ предѣловъ. Презрѣніе къ тѣмъ, кто угнеталъ насъ, легко перешло въ презрѣніе къ странѣ и къ народу.

Самобичиваніе стало нашей национальной чертой. Смирненіе,—национальной доблестью. Гдѣ тотъ, кто, смъ гордо поднятой головой, скажетъ—«я русскій»?

Мы легко расписываемся въ собственной непригодности и мы не любимъ другъ друга.

Ни официальная школа, ни «новая школа» не научили своихъ дѣтей патриотизму и национальной гордости.

Мы боялись сдѣлать ошибку, боялись воспитать

въ дѣтяхъ своихъ «квасной патриотизмъ», но мы рискнули воспитать въ нихъ равнодушіе къ родинѣ и невѣріе въ народъ свой.

Результатъ несчастнаго опыта налицо.

Съ чѣмъ пришли къ своему народу тѣ, кто еще на школьной скамьѣ научился такъ горячо ненавидѣть и такъ глубоко презирать? Вѣдь они умѣли протестовать противъ лжи, клеветы и насилия, этихъ старыхъ орудій развратившейся власти.

Ложь, клевету и насилие,—вотъ что принесли они освобожденному русскому народу, какъ только получили возможность говорить и дѣйствовать.

Какъ могло случиться, что, сбросивъ старое иго, мы построили новыя тюрьмы и установили новыя казни, передъ которыми блѣднѣютъ висѣлицы самодержавія?

Чѣмъ, какъ не презрѣніемъ и невѣріемъ въ народъ свой, объяснить эту легкость, съ которой недавніе угнетенные сдѣлались угнетателями, недавніе борники свободы слова,—его гонителями?

Мы ко многому привыкли и не намъ учиться терпѣнію. Обычны для насъ и бѣлые столбцы газетъ и неожиданные ночные визиты и высылка безъ суда и грозный окрикъ: «во фронтъ передъ начальствомъ».

Всѣмъ этимъ насъ не удивишь и все это слишкомъ знакомо. Попробовали мы жить по-другому, да и вернулись домой въ старую, знакомую обстановку. Все, какъ раньше, все по-старому, по-домашнему, какъ полагается, какъ испоконъ-вѣковъ заведено у насъ.

Да откуда же и ожидать другого? Безумная мечта!

То сердце не научится любить,

Которое устало ненавидѣть.

В. Дороватовская.

ОТЧЕГО И КАКЪ ОБЕЗЦѢНИВАЮТСЯ НАШИ ДЕНЬГИ.

Статья Я. А. Галашкина.

Когда говорятъ объ обезцѣненіи нашего рубля, чаще всего указываютъ на количество выпущенныхъ и непрерывно выпускаемыхъ на рынокъ бумажныхъ денегъ, на паденіе нашей валюты за границей, на ростъ товарныхъ цѣнъ и заработной платы.

Дѣйствительно, совокупность всѣхъ этихъ явленій создаетъ кошмарную картину стремительнаго паденія по наклонной плоскости, но мы напрасно стали бы искать въ ней отвѣта на вопросъ о томъ, каковы размѣры происшедшаго обезцѣненія нашего рубля и каковы въ связи съ этимъ могутъ быть дальнѣйшія перспективы нашего денежнаго обращенія.

Изъ баланса Государственнаго Банка можно видѣть, что на 16 сентября с. г. кредитныхъ билетовъ было выпущено въ обращеніе на 15.886.952.562 руб., золота же, обезпечивающаго эти билеты, имѣлось внутри страны на руб. 1.295.222.997—35.—и за границей на руб. 2.309.077.941—36.—Такимъ образомъ, у насъ имѣлось на 16 сентября 22,68 копейки золота на рубль, а, если принять во вниманіе, что «золото за границей» представляетъ собой лишь нашъ заемъ у союзниковъ, то реальное золотое обезпеченіе придется исчислить всего въ 8,15 коп. на рубль. Впрочемъ и этотъ расчетъ нуждается въ оговоркѣ, потому, во-первыхъ, что мы ежемѣсячно печатаемъ около полутора миллиардовъ новыхъ кредитныхъ билетовъ и,

несомнѣнно, съ каждымъ мѣсяцемъ будемъ печатать все больше и больше и потому, во-вторыхъ, что не исключена возможность дальнѣйшаго вывоза части нашего золота въ Англію для поддержанія курса фунтовъ стерлинговъ, въ чемъ мы, какъ и всѣ союзники, чрезвычайно заинтересованы, такъ какъ Англія является для всѣхъ насъ главнымъ кассиромъ.

На международномъ рынкѣ мы имѣемъ передъ собой слѣдующую расцѣнку нашего рубля. По официальному курсу, устанавливаемому кредитной канцеляріей на иностранную валюту, рубль равнялся 21 сентября с. г. при переводѣ на Лондонъ—37,73 копейкамъ, при переводѣ на Парижъ—39,47 коп., на Стокгольмъ—27,37 коп., на Нью-Йоркъ—37, 65 коп., на Римъ—52,08 коп. и только по сравненію съ румынскими леями онъ сохранилъ свою полную стоимость въ 100 коп.—Но курсы кредитной канцеляріи совершенно искусственны; они мотивируются со стороны министерства финансовъ желаніемъ поддержать престижъ нашей валюты. На свободномъ рынкѣ курсъ рубля значительно хуже. Такъ, въ Парижѣ рубль цѣнится всего въ 31,93 коп., въ Лондонѣ—29,65 коп. Но, во-первыхъ, это союзническая и, слѣдовательно, доброжелательная расцѣнка, во-вторыхъ, франкъ, несмотря на поддержку Англіи, въ свою очередь, потерялъ на курсѣ 10—15% и даже фунтъ

стерлинговъ расцѣнивается въ Амстердамѣ на 5—6% ниже паритета, а, въ-третьихъ, при почти полномъ прекращеніи экспорта изъ Россіи, нашъ рубль никому не нуженъ и потому въ Швеции, напримѣръ, за него фактически ничего не даютъ, въ Персіи его цѣнятъ на серебро въ 4—5 копеекъ и даже въ Финляндіи при размѣнѣ на бумажныя же марки его считаютъ въ 35—40 копеекъ. Что касается до курса, по которому у насъ продается иностранная валюта изъ частныхъ рукъ, то, какъ при всякой контрабандѣ, онъ совершенно фантастиченъ.

Если, затѣмъ, искать указаній для опредѣленія степени обезцѣненія рубля въ товарныхъ цѣнахъ, то здѣсь мы встрѣтимся съ еще большими затрудненіями при попыткѣ выяснить дѣйствительное измѣненіе этихъ цѣнъ. Во-первыхъ, необходимо считаться съ тѣмъ аномальнымъ положеніемъ, въ которое въ настоящее время поставлено у насъ производство, во-вторыхъ, мы имѣемъ передъ собой, съ одной стороны, твердыя цѣны, съ другой—непризнание этихъ твердыхъ цѣнъ и чрезвычайное развитіе спекуляціи, въ которой съ каждымъ днемъ растетъ массовое участіе общественныхъ низовъ. Въ свою очередь, и твердыя цѣны не отличаются устойчивостью и подвержены весьма капризнымъ измѣненіямъ. Такъ, напримѣръ, въ минувшемъ августѣ, едва ли не подъ вліяніемъ впечатлѣнія отъ корниловскаго выступленія, твердыя цѣны на основной продуктъ питания—хлѣбъ—были удвоены Временнымъ Правительствомъ. Каковы вольныя цѣны, диктуемая враждебной городу деревней, всѣмъ извѣстно. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онѣ въ 20, 30, 40 и даже въ 50 разъ выше довоенныхъ. Эффектъ спекулятивныхъ манипуляцій приблизительно такой же. Такъ, напримѣръ, сахаръ при таксѣ въ 7 руб. 40 коп. за пудъ на заводѣ, доходилъ уже минувшимъ лѣтомъ на частномъ рынкѣ до 120—160 рублей за пудъ. Война особенно жадно потребляетъ металлы, и мы, несомнѣнно, бѣднѣе металлами чѣмъ хлѣбомъ и, тѣмъ не менѣе, какъ ни великъ ростъ цѣнъ на нихъ, онъ далеко отстаетъ отъ того размаха, который обнаружила деревня. Максимальный процентъ вздорожанія въ августѣ 1917 г. по сравненію съ началомъ войны мы имѣемъ для сортового желѣза, по отношенію къ которому онъ составилъ свыше 1000%, для кровельнаго желѣза онъ равнялся 760—750%, для алюминія—400%, для мѣди—170%. Такимъ образомъ, если бы мы стали искать оцѣнки нашего рубля при помощи сравненія товарныхъ цѣнъ настоящаго момента съ цѣнами довоенными, то передъ нами оказалась бы та же, и даже гораздо большая, пестрота и неопредѣленность: рубль равенъ то 60, то 40, то всего лишь 2 копейкамъ.

Къ подобному же результату пришли бы мы, еслибы для рѣшенія задачи, взяли за основаніе ростъ заработной платы.

Ростъ заработной платы стоитъ въ прямой зависимости прежде всего отъ качества труда и чѣмъ ниже его квалифікація, тѣмъ быстрѣе растетъ его оплата; чѣмъ большую роль играетъ въ трудѣ физическая сила, тѣмъ выше его требованія и тѣмъ значительнѣе его достиженія. Если для интеллигентнаго труда заработная плата поднялась на 100—200%, то для труда фабричнаго она выросла на 400—600%, а для труда чернорабочаго ея ростъ достигаетъ 1000 и въ отдѣльныхъ случаяхъ даже 3000%. Поэтому, если бы мы захотѣли опредѣлить паденіе цѣнности рубля, исходя

изъ роста заработной платы, то мы получили бы своеобразную скалу, изъ которой явствовало бы, что для учителя рубль превратился въ 50—40 копеекъ, тогда какъ для крѣпника онъ стоитъ сейчасъ не болѣе 4 и даже 3 копеекъ.

Такимъ образомъ, при настоящихъ условіяхъ никакіе расчеты не способны дать намъ тѣ объективныя указанія, которыя могли бы помочь намъ уяснить себѣ предѣлы происшедшаго и, конечно, непрерывно продолжающагося обезцѣненія нашего рубля. Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ надлежало бы знать не только конечную сумму бумажныхъ денегъ, съ которой намъ придется считаться по окончаніи войны, но и тѣ перспективы, которыя ожидаютъ насъ при возобновленіи международной торговли и тѣ условія, въ которыхъ окажется послѣ войны русская промышленность. Сейчасъ мы можемъ лишь гадать на эту тему; въ лучшемъ случаѣ, мы могли бы указать на тѣ мѣры, которыя должны быть приняты въ нашей экономической политикѣ для наименѣе болѣзненной ликвидаціи послѣдствій войны и революціоннаго развала. Но нѣтъ возможности сейчасъ уже составить нашъ послѣвоенный государственный балансъ и спроектировать уже теперь нашъ будущій государственный бюджетъ.

Если, однако, нельзя по ходу процесса учесть сколько-нибудь точно размѣры обезцѣненія рубля, то это всего менѣе должно было бы давать основаніе для какихъ-либо произвольныхъ и тѣмъ болѣе безнадѣжныхъ заключеній. Для массы населенія всего чувствительнѣе обезцѣненіе рубля на товарномъ рынкѣ, но именно въ этой области, равно какъ и въ области оплаты труда, всего легче показать, что то явленіе, которое мы называемъ «обезцѣненіемъ денегъ» есть въ гораздо большей мѣрѣ результатъ нашей дезорганизованности и культурной отсталости, результатъ психологическаго аффекта, чѣмъ экономическая неизбежность. Конечно, при общемъ міровомъ истощеніи товарныхъ запасовъ, курсъ всякихъ денегъ, хотя бы и полноцѣнныхъ, не можетъ не понижаться. Но желѣзному закону спроса и предложенія наши союзники и враги сумѣли противопоставить государственную организацию распредѣленія, инѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы дороговизна жизни дошла до того уровня, на которомъ мы ее наблюдаемъ у себя. Товаръ есть цѣнность абсолютная, деньги же—цѣнность только условная. Фактически внутренній торговый оборотъ не требуетъ реализаціи денежнаго знака и съ точки зрѣнія этого оборота, казалось бы, безразлично, ведется ли онъ на золотыя, т.-е. полноцѣнныя, или на бумажныя деньги. Металлическое покрытие денежныхъ знаковъ, выпускаемыхъ государствомъ для нуждъ торговаго оборота, необходимо, однако, для созданія въ населеніи увѣренности въ валютности этихъ знаковъ, и, если эта увѣренность поколеблена, тогда наступаетъ явленіе внутренняго «обезцѣненія» денегъ. Съ момента же, когда размѣнъ кредитныхъ билетовъ на металлъ прекращается, кредитный билетъ превращается въ «бумажныя деньги»; онъ становится обязательствомъ государства, его векселемъ, цѣнность котораго не можетъ быть установлена субъективно, и, потому, опредѣляется отношеніемъ приобретателя. Съ этого момента психологическій факторъ въ оцѣнкѣ денежнаго курса выступаетъ на первый планъ.

Соответственно съ такимъ внутреннимъ обезцѣ-

неніемъ денегъ повышается, конечно, и уровень товарныхъ цѣнъ. Въ свою очередь, подъемъ товарныхъ цѣнъ, хотя бы вызванный совершенно самостоятельными причинами, не можетъ не отражаться на курсѣ бумажныхъ денегъ, поскольку этотъ курсъ устанавливается не на реальной базѣ, а на почвѣ «настроенія». Тамъ, гдѣ иныхъ приводящихъ элементовъ нѣтъ и гдѣ «настроеніе» является конечнымъ опредѣляющимъ условіемъ, мы имѣемъ передъ собой картину колебаній денежнаго курса въ ту и другую сторону. Таковы, напримѣръ, бѣшеные скачки, испытываемые временами нашимъ рублемъ на заграничныхъ биржахъ въ связи различными перепетіями нашей политической жизни. Но, такъ какъ на внутреннемъ товарномъ рынкѣ приходится считаться помимо «настроенія» съ дѣйствительной скудостью товарныхъ запасовъ и со спекулятивнымъ азартомъ, то движеніе товарныхъ цѣнъ носить характеръ не колебаній, а неуклоннаго и стремительнаго повышения по всей линіи. Отсюда печальное взаимодействіе двухъ рядовъ явленій: товарныя цѣны растутъ и угнетаютъ нашъ рубль, а обезцѣненіе послѣдняго въ сознаніи населенія, въ свою очередь, гонитъ цѣны на товары еще дальше вверхъ. И въ этомъ порочномъ кругу, вращающемся съ каждымъ днемъ все быстрѣе, кружится голова обывателя и все ниже падаетъ его «настроеніе»; остановить движеніе круга пытается правительство, но у него не хватаетъ для того ни силъ, ни умѣнья.

Нѣчто подобное происходитъ и съ заработной платой. Ея высотой нельзя измѣрять степень обезцѣненія денегъ, но ея необузданный ростъ непосредственно вліяетъ на повышение товарныхъ цѣнъ, а ростъ послѣднихъ даетъ новый стимулъ для дальнѣйшаго движенія заработной платы вверхъ. Здѣсь получается второй порочный кругъ и, несомнѣнно, здѣсь кроется элементъ, наиболѣе угнетающе дѣйствующій на «настроеніе», результатомъ котораго является трагическое обезцѣненіе нашего рубля.

Въ области реальной экономики, конечно, возможно строить извѣстныя предположенія и искать выхода изъ тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ мы находимся, но подходить съ такими предположеніями къ большой психикѣ по меньшей мѣрѣ бесполезно. А, между тѣмъ, наша общественная психика въ настоящее время, несомнѣнно, повреждена и признаковъ ея оздоровленія пока, еще, къ сожалѣнію, незамѣтно. Извѣстно, что всѣ держатели денежныхъ капиталовъ находятся сейчасъ въ состояніи паники и стремятся хоть какъ-нибудь оберечь свои деньги отъ прогрессирующаго обезцѣненія. На этой почвѣ выросла уже колоссальная спекуляція съ товарами и городской недвижимостью. Но на той же почвѣ родились и такія явленія какъ погоня за нѣкоторыми бумажными цѣнностями и даже за денежными знаками, обладающими извѣстными отличіями.

Такъ, напримѣръ, курсъ на облигаціи московскаго городского кредитнаго общества, подлежащія тиражу но ихъ номинальной стоимости, а также налогу на доходы отъ денежныхъ капиталовъ, стоитъ въ настоящее время около 110 рублей за 100 номинальныхъ. При такомъ курсѣ доходность этой бумаги не превышаетъ 3,89%, а при выходѣ ея въ тиражъ потеря составила бы около 10 рублей на 100. Если мы вспомнимъ, что заемъ свободы даетъ его держателю 5,88% дохода, а при тиражѣ еще и премію въ размѣрѣ 15 рублей на 100 и что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ

случаѣ уплата процентовъ и тиражной стоимости бумаги будетъ производиться все тѣми же денежными знаками, т.-е. пока бумажными деньгами, то необходимо будетъ признать, что передъ нами одинъ изъ образчиковъ психической аберраціи настоящаго момента. Такой же аберраціей является погоня за займами, выпущенными Россіей за границей, или хотя бы частью за границей и частью внутри страны. Разстроенному воображенію напуганнаго обывателя представляется, что такой заемъ, даже помимо сомнительной надежды на возможность предъявленія его къ оплатѣ за границей и, слѣдовательно, въ иностранной валютѣ, предпочтительнѣе передъ внутренними займами, потому что обязательство государства по внѣшнему займу, хотя бы и находящемуся въ рукахъ русскаго подданнаго и внутри страны, кажется надежнѣе и тверже. Такъ, напримѣръ, заемъ 1906 года, даже тѣ серии его, которыя не имѣютъ доступа на заграничныя биржи, расцѣнивается въ 160 рублей за 100, что соответствуетъ доходности всего въ 3,12% и потерѣ при тиражѣ въ 38% отъ затраченнаго капитала. Еще, можетъ быть, курьезнѣе и, несомнѣнно, печальнѣе, что 4½% заемъ 1905 года, выпущенный отчасти внутри страны, отчасти въ Берлинѣ, расцѣнивается въ 140 рублей за 100.

Психологія общественныхъ низовъ, пожалуй, примитивнѣе, но, во всякомъ случаѣ, нисколько не здоровѣе. Тамъ съ процентной бумагой незнакомы, и потому тамъ спекуляція идетъ на денежные знаки, изъ которыхъ одни предпочитаютъ другимъ и поэтому прячутся, очевидно, въ увѣренности, что этимъ путемъ также можно оберечь деньги отъ ихъ обезцѣненія. Мотивомъ предпочтенія являются различныя признаки въ зависимости отъ направленія мысли и настроенія отдѣльнаго индивидуума: иногда царскій портретъ, иногда присутствіе той или другой надписи на кредитномъ билетѣ, наличность № на немъ и т. п.

Думается, что къ той же области психической аберраціи надо отнести и развитіе совершенно непонятнаго съ точки зрѣнія реальной оцѣнки вещей чувства крайняго пренебреженія къ обезцѣниваемому общими усиліями денежному знаку, а, значить, и къ самимъ деньгамъ. Иные забываютъ, иные и совсѣмъ не понимаютъ, что бумажныя деньги представляютъ собой обязательство государства и что, какъ бы оно ни оцѣнивалось, плательщикомъ по нему и, притомъ, въ полной номинальной суммѣ является весь народъ. И, вслѣдствіе такой забывчивости или непониманія, мы стоимъ передъ картиной безумнаго мотовства, совершаемаго рѣшительно всѣми классами населенія, мотовства за счетъ грядущей нищеты собственной и, можетъ быть, цѣлаго ряда послѣдующихъ поколѣній.

Къ сожалѣнію, наблюдаемое въ населеніи поврежденіе психики, очевидно, не пощадило и нашихъ правительственныхъ верховъ. Руководители финансоваго вѣдомства какъ будто сами готовы махнуть рукой на нашъ рубль и не только не борются съ указанными явленіями, но своими неудачными мѣропріятіями даже поддерживаютъ это гибельное настроеніе въ странѣ; по крайней мѣрѣ, проявляемая ими небрежность въ обращеніи съ денежными знаками и феноменальное мотовство въ расходованіи средствъ государственнаго казначейства способны вызвать лишь самое глубокое изумленіе.

Быть можетъ, однимъ изъ самыхъ печальныхъ недоразумѣній, унаслѣдованныхъ нами отъ стараго

порядка, является привычка русского человека отфлять и даже противопологать свои личные индивидуальные интересы интересам общим государственным и потому сейчас в России так позорно мало людей, которые не искали бы путей и средств спасти свое личное достояние во что бы то ни стало, хотя бы во вред государству, хотя бы цѣною гибели родины.

Но надо помнить, что, если в государствѣ создаются условия, при которых возможны указанные выше явления, возможны требованія денег без всякаго права на нихъ, безъ предъявленія какого бы то ни было эквивалента товарнаго или трудового,

возможно едва ли не глумленіе надъ деньгами, то такое государство не вправѣ разсчитывать ни на довѣріе къ своимъ деньгамъ, ни на довѣріе къ самому себѣ. Въ игорномъ домѣ—самыя дешевыя въ мірѣ деньги, хотя бы онѣ и был и изъ самаго чистаго золота. И, если этотъ процессъ психической абераціи зайдетъ слишкомъ далеко, можетъ случиться, что никакими экономическими или финансовыми мѣрами его уже нельзя будетъ обезвредить.

Поэтому, пока не поздно, надо всѣми силами бороться противъ такой абераціи. Возможна ли эта борьба? Думается, что да.

Я. Галяшкинъ.

„ТОВАРИЩЪ“ И „ГРАЖДАНИНЪ“.

Статья Н. Устрялова.

Послѣ революціи слово «товарищъ» вошло, какъ извѣстно, у насъ въ государственннй, общественннй и даже частннй обиходъ. Узами «товарищества» словесно спаялась «революціонная» Россія, и можно было бы ожидать, что такая спайка, дѣйствительно, есть залогъ русскаго могущества, силы русской революціи. Въ самомъ дѣлѣ, люди стали какъ бы «братьями», и достигнуто Россіей то, чего, въ свое время не смогла достичь революція французская: осуществленіе третьяго лозунга великой тріады: «свобода, равенство, братство».

Прекрасно помню, какое глубокое, волнующее впечатленіе производили 28 февраля первые переходившіе на сторону народа военныя, обращавшіеся къ толпѣ съ непривычнымъ въ ихъ устахъ словомъ «товарищи». Вспоминаю, какъ поздно вечеромъ 28 февраля на Воскресенскую площадь прискакалъ какъ-то сибирякъ на взмыленной лошади и крикнулъ группѣ людей, стоявшихъ у думы: «Товарищи, не бойтесь, насъ много, и мы всѣ съ вами». А рядомъ со мною какой-то наивный голосъ умиленно и ласково прошепталъ въ отвѣтъ: «вишь, лошадь то какъ уморилась, должно, прямо сейчасъ изъ Сибири приѣхалъ, за народъ постоять»... И радостно было, свѣтло на душѣ, и поистинѣ, всѣ эти незнакомые люди на площади казались родными, товарищами, братьями...

Но вотъ прошли дни, недѣли, мѣсяцы, первый праздничннй порывъ кончился, наступили будни революціи. Новыи строй долженъ былъ укрѣпиться въ странѣ, войти въ плоть и кровь государства. Абсолютизмъ уступалъ мѣсто народоправству, республикѣ. Подданныя превращались въ гражданъ.

Но здѣсь произошло нѣчто печальное и досадное, хотя и глубоко русское, похожее на старое...

Русскнн народъ почувствовалъ себя народомъ избраннымъ, «особымъ» далеко опередившимъ «гнилой Западъ». Впрочемъ, вмѣсто «гнилой Западъ» онъ сталъ теперь говорить «буржуазннй Западъ». «Гнилой»—это звучитъ по старому, по славянофильски. «Буржуазннй»—это уже звучитъ по новому, по пролетарски.

«Революціонная демократія» Росснн хотѣла перешагнуть черезъ всѣ промежуточныя стаднн и сразу

явить міру примѣръ земного рая. «Россія сейчасъ самая свободная страна въ мірѣ»—горделиво заявилъ недавно Ленинъ. Россія можетъ и должна пойти дальше Европы, впереди Европы. Съ этой точки зрѣнія, остановиться на понятнн «гражданинъ» наши демократы не могли. Пусть этимъ понятннмъ упивалась французская революція и доселѣ упиваются французы—мы дадимъ міру новую категорію.

И дали «товарища».

«Гражданинъ»—символь демократической государственности, знаменующнн собою взаимную связь людей на почвѣ единого цѣлага, самоуправляющагося государственнаго союза. «Гражданственность»—правовая категорія, свидѣтельствующая о правовой зрѣлости усвоившаго ее народа, его политической воспитанности. Государство гражданъ—высшнн типъ государства. Недаромъ въ древности званіе *civis Romanus* было столь почетно. И недаромъ въ новое время идея гражданскихъ правъ была выдвинута Великой Французской Революціей, покончившей со старымъ міромъ, на новую ступень возведшей жизнь человѣчества.

Уже давно общепризнано, что подданнымъ быть неизмѣримо легче, нежели гражданиномъ. На подданномъ меньше отвѣтственности, къ нему предъявляется меньше требованнн. За подданнаго рѣшаетъ дѣла государства монархъ, данннй ему извнѣ. Гражданинъ—самъ стражъ права и государства. Онъ самъ себѣ—высшнн судъ въ политическомъ своемъ самоопредѣленнн. Связанныи велѣннемъ государства, онъ не можетъ считать эти велѣнння чѣмъ то для себя чуждымъ: вѣдь они не что иное, какъ результатъ той суммы воли, въ которой и его воля является однимъ изъ слагаемыхъ. Онъ отвѣчаетъ исторнн за судьбу своего государства, ибо онъ непосредственно причастенъ высшей государственной власти. Свобода обязываетъ,

При режимѣ абсолютннзма нѣтъ гражданъ. Лишь въ свободномъ государствѣ человѣкъ становится гражданиномъ, правомочнымъ членомъ правового общеннтя.

Русская революція превратила насъ всѣхъ въ гражданъ. Точнѣе, *должна была превратить*.

Но вот произошло нечто иное. «Революционнѣя демократія» наша рѣшила «углубить» русскую революцію. И углубила «гражданина» до «товарища». Что это значитъ?

«Товарищъ» — категория не правовая, а чисто моральная. Она знаменуетъ собою высшую, внутреннюю связь человѣка съ человѣкомъ. Въ своей «идеѣ» эта категория преодолеваетъ собою самое государство, какъ внѣшнюю, принудительную организацию, и постулируетъ свободный союзъ человѣчества, основанный на любви, на братствѣ. Какъ извѣстно, о такомъ союзѣ издавна мечтали утописты и поэты всѣхъ странъ, и еще въ дѣтствѣ человѣчества его слухъ улаждали преданіями о золотомъ вѣкѣ.

«Товарищъ» — само по себѣ это прекрасное слово, очень возвышенное понятіе. Въ свое время Аристотель училъ, что «дружба» есть лучшая социальная добродѣтель, а союзъ, основанный на дружбѣ, есть самый крѣпкій и нерушимый союзъ. О братствѣ много проповѣдывало и христианство, и подъ его влияніемъ государству стали противопоставлять церковь, обществу свѣтскому — союзъ духовный. Связь душъ вѣрнѣе и «первѣе», чѣмъ связь крови или внѣшнихъ интересовъ.

Но все дѣло въ томъ, что для достиженія высшихъ ступеней, до какихъ можетъ подняться человѣчество, нужна большая работа, глубокая, сложная подготовка. «Все прекрасное трудно», говорили древніе. Нужно подниматься «со ступеньки на ступеньку», останавливаясь на каждой изъ нихъ для «усвоенія пройденнаго». Народъ же, захотѣвши шагнуть сразу съ начала лѣстницы на самый ея верхъ, рискуетъ весьма опаснымъ паденіемъ.

И вотъ несомнѣнно, что подобное паденіе переживаетъ сейчасъ Россія. Исконный русскій «максимализмъ» заставилъ ее разомъ провозгласить всѣ конечные, предѣльные лозунги наилучшей социальной жизни. Но внутренней подготовки къ осуществленію этихъ лозунговъ въ народѣ, только что пережившемъ деспотизмъ, естественно, не оказалось, да и не могло оказаться. И въ результатѣ получилось то всистину жалкое зрѣлище, свидѣтелемъ котораго нынѣ является весь міръ. Рушится тысячелѣтнее мірское государство, гибнетъ нѣкогда великій народъ. Ужели погибнетъ?..

Мы не удовлетворились свободой и равенствомъ. Мы захотѣли братства. Намъ показалось мало хорошаго государства. Мы захотѣли совершеннаго человѣческаго союза, «всемирнаго мира». Мы отказались отъ званія «гражданинъ», чтобы стать «товарищами».

Чтобы организовать государство гражданъ, нуженъ порядокъ, нужна дисциплина, необходима принудительная и твердая, хотя и народная, власть. Чтобы создать царство «товарищей», «друзей», «братьевъ», нужна только любовь; все остальное приложится.

Только любовь! Но если трудно организовать порядокъ, дисциплину, власть, то поселить любовь въ человѣчскія души еще безконечно, неизмѣримо труднѣе. Если подданнымъ легче быть, чѣмъ гражданиномъ, то связи гражданскія, въ свою очередь, зна-

чительно осуществимѣе братскихъ, «тсварищескихъ». Чтобы «созрѣть» до союза любви, нужно пережить правовое общежитіе, внутренне изжить государство. А мы, еще стоявшіе лишь у порога настоящей гражданственности, возмечтали себя уже готовыми чуть ли не къ раю земному. И горько наказаны.

Увы, у насъ не оказалось дѣйственной любви, а о порядкѣ, дисциплинѣ и твердой, хорошей власти мы и не заботились, ибо рѣшили, что это все «приложится». И очутились у «провала», у «срыва», въ плѣну у «темныхъ силъ».

Хотѣли дать указующій урокъ міру, а дали устрашающій примѣръ. Мечтали о земномъ раѣ, а создали нечто, весьма похожее на адъ. Думали перерастить «правовое государство», а на дѣлѣ выходитъ, что еще какъ слѣдуетъ не доросли до него. Презирали буржуазный Западъ, и сами едва ли не стали всеобщимъ посмѣшищемъ. До чего все это обидно, тяжело, горько!

По самой идеѣ своей, «товарищескій» союзъ можетъ быть оправданъ только тогда, когда онъ обнимаетъ собою *весь* народъ и *все* человѣчество. Если же его отождествляютъ съ классомъ, или группою, или партией, то новое откровеніе неизбежно блекнетъ и теряетъ весь свой этический смыслъ. Оно становится знаменемъ раздѣленія и вражды, а не единства и любви. Народъ, *такъ* понимающій идею братства, не только не возвышается надъ правовыми связями, но, напротивъ, являетъ доказательство своей гражданской незрѣлости. Онъ все еще живетъ въ состояніи полузоологическомъ.

И когда теперь вспоминаешь о тѣхъ первыхъ, свѣтлыхъ дняхъ революции, становится нестерпимо грустно.

Тогда, дѣйствительно, была любовь. Было общенародное единеніе. И потому слово «товарищъ» было такъ естественно, умѣстно, такъ радовало слухъ и душу.

А теперь, когда слышишь то же самое слово, неизмѣнно и непремѣнно представляется что-то грубое, безобразное, тупое и отвратительное. Что-то вроде тѣхъ распоясанныхъ солдатъ, лускотелей сѣмечекъ, что заполняютъ столичные бульвары. И самое слово звучитъ какъ то фальшиво, и словно чувствуется въ немъ мѣфистофелевская иронія...

Словно оскорблена какая-то святыня, унижена какая-то цѣнность. Словно мерзость запустѣнія на святомъ мѣстѣ...

Тогда былъ экстазъ. Но мы захотѣли настроеніе экстаза цѣликомъ перенести въ обычную, будничную дѣйствительность. И получилось рѣжущее, кричащее несоотвѣтствіе.

Мы стояли внизу, на низшей ступенькѣ. Мы были подданными, рабами. Мы захотѣли стать не гражданами свободнаго государства, а сразу товарищами, братьями всемирнаго братства. И въ результатѣ остались рабами. Только взбунтовавшимися. Таковъ нашъ рокъ.

7 сентября 1917 г.

Н. Устряловъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Реорганизация власти и анархия въ странѣ.—Внѣшняя и внутренняя опасности.—Въ преддверіи Учредительнаго Собранія.

Реорганизация власти закончилась. Сформировалось новое коалиционное правительство, опубликована его декларация. Организованъ особый совѣщательный органъ при Временномъ Правительствѣ изъ представителей демократическихъ организацій и цензовыхъ элементовъ, «предпарламентъ», получившій наименование «Временнаго Совѣта Россійской Республики». Съ формальной стороны, какъ будто, все улажено, сконструировано, опредѣлено. И тѣмъ не менѣе новому правительству приходится начинать свою работу при условіяхъ столь же неблагоприятныхъ, какъ и правительствамъ прежнихъ составовъ. Неблагопріятныхъ ауспицій болѣе, чѣмъ достаточно. Страна охвачена анархіей. Погромная волна растетъ и ширится. Кіевъ, Харьковъ, Одесса, Бендеры, Тамбовъ, Ташкентъ, востокъ и западъ, центръ и окраины становятся ареной погромовъ и всякаго рода беспорядковъ. Каждый день приходятъ все новыя извѣстія объ аграрныхъ беспорядкахъ, о городскихъ погромахъ, о солдатскихъ бунтахъ и пр., и пр. Проснулись самые темные, животные инстинкты, и разнузданная толпа властвуетъ, терроризируя населеніе, останавливая нормальный ходъ жизни и нанося смертельные удары и общественному порядку, и послѣднимъ остаткамъ матеріальной силы страны. А въ то же время непріятельски десантъ появляется на островѣ Эзель и наши военныя силы оказываются не въ состояніи противиться ему. Вѣроятенъ захватъ германцами всего побережья Рижскаго залива и значительный сдвигъ нашей оборонительной линіи къ востоку, а возможны и еще гораздо болѣе худшія для насъ послѣдствія.

Это—серьезныя внѣшнія и внутреннія опасности для всего дѣла свободы, для новаго строя, рожденнаго изъ революціи. Не видятъ этого только люди невѣжественные и слѣпые или фанатики идеи грядущаго интернационала, или люди купленные. Всякій сколько-нибудь зрячій человѣкъ понимаетъ, что несетъ за собой наше пораженіе, въ какія тягостныя условія оно ввергнетъ страну и какія будутъ послѣдствія, когда населеніе узнаетъ, что бѣды и несчастія, имъ переживаемыя, оно получило изъ рукъ людей, именовавшихъ себя друзьями свободы. Всякій зрячій человѣкъ не можетъ не видѣть, что разливъ анархіи въ странѣ, погромы и насилія, грабежи и убійства ведутъ страну къ гибели и распаду, а не къ укрѣпленію новаго строя и завоеваній революціи. Всякій строй жизни, требуетъ извѣстнаго общественнаго порядка, а насилія его исключаютъ и ведутъ къ разрушенію основъ человѣческаго общежитія. Это не крушеніе стараго строя и созиданіе новаго: на анархіи, насиліяхъ и произволѣ ничего не можетъ создаться кромѣ дикаго звѣринаго существованія, а тѣмъ болѣе изъ анархіи не можетъ сложиться тотъ строй, который обѣщаетъ создать болѣе справедливыя отношенія, защиту слабого, равенство и братство. Хулиганство, хамство, разбой—не предтечи новаго строя, они его прямая противоположность. Только изъ человѣческой солидарности могутъ родиться условія лучшаго буду-

щаго, а не изъ дикихъ инстинктовъ. Культура и цивилизация принесутъ новую справедливую жизнь, а не возвратъ къ варварскимъ временамъ.

Происходящія теперь беспорядки лишены какой бы то ни было идейной подкладки. Разнузданная толпа, въ которой проснулись животные инстинкты, громить и грабить все, что подвернется ей подъ руку. Она громить помѣщичью усадьбу, громить магазинъ, громить земскую школу, избирательный участокъ. Ея ненависть вызываютъ предметы барской обстановки, но съ той же ненавистью относится она и къ культурнымъ цѣностямъ, съ злорадствомъ уничтожая библиотеки и учебныя нособія. Она бьетъ и убиваетъ помѣщика, лавочника, интеллигента, членовъ различныхъ комитетовъ и общественныхъ организацій, этой же самой толпой избранныхъ. На фабрикахъ и заводахъ она изгоняетъ и творитъ насилія надъ людьми знанія и технического опыта, безъ которыхъ оказывается безпомощной наладить организванную работу. Погромы и насилія самые бессмысленные и жестокие отбрасываютъ насъ въ глубь вѣковъ варварства. И только демоногическое безуміе, заставляетъ нашъ большевизмъ усматривать въ стихійныхъ анархическихъ явленіяхъ «здоровое революціонное движеніе». До такого паденія не доходило еще никогда ни одно идейное движеніе. Какъ бы ни были желательны въ извѣстныхъ цѣляхъ народныя волненія въ революціонной борьбѣ со старымъ деспотическимъ правительствомъ; ни одинъ революціонеръ не считалъ «здоровымъ революціоннымъ движеніемъ», напр. «холерные бунты», происходившіе въ былое время, не вызывалъ ихъ и не принималъ въ нихъ участія. Народными вождями въ этихъ бунтахъ были темные люди, какимъ былъ нѣкогда громила по прозвищу «бараній задокъ» въ Саратовѣ, а теперь на то же амплуа претендуетъ г. Ленинъ...

Анархія должна быть подавлена, долженъ быть восстановленъ элементарный гражданскій порядокъ. Это должна сдѣлать правительственная власть. Но сдѣлать она это будетъ въ силахъ, когда будетъ властью не только по имени, но и на дѣлѣ. Доселѣ правительственная власть оказывалась безсильной, ея распоряженіямъ не подчинялись. Хотя новая власть родилась изъ революціи и преслѣдуетъ задачи, связанныя съ дѣломъ революціи, на нее перенесены старыя сложившіяся при прежнемъ строѣ отношенія. Выходитъ такъ, что власть есть какъ бы институція стараго строя, а безвластіе и произволъ—свойство новаго порядка. Таково своеобразное правовое воззрѣніе, сложившееся въ новой Россіи, созданное стараніями ея нѣкоторыхъ «идейныхъ» вождей, оно-то и ведетъ къ пагубнымъ результатамъ. Будетъ ли иначе теперь? Станетъ ли болѣе сильнымъ правительство? Оно построено на коалиціонномъ началѣ, слѣдовательно, можетъ опираться на различные классы и слои населенія. Рядомъ съ правительствомъ—«совѣтъ республики», его совѣщательный органъ, въ согласіи съ которымъ фактически будетъ дѣйствовать правитель-

ственная власть. Это должно способствовать укреплению авторитета власти. Но опыт истекшаго времени и то, что мы переживаем сейчас, убѣждают, как мало шансов у Временнаго Правительства на улучшеніе положенія. Чтобы правительство располагало твердой и сильной властью, ему необходимо имѣть и на мѣстах сильные и авторитетные органы. Необходимо, чтобы и «предпарламентъ» въ цѣломъ являлся выразителемъ того же государственнаго направленія. Между тѣмъ дѣйствительность показываетъ, что разложение зашло такъ далеко, что тѣ, кто стоятъ на государственной точкѣ зрѣнія, являются уже безсильными бороться съ анархіей. Комиссары Временнаго Правительства фактически властью не пользуются. Не лучше теперь обстоитъ дѣло съ мѣстными комитетами и совѣтами. Еще недавно весьма авторитетные въ демократическихъ слояхъ населенія, теперь эти комитеты и совѣты въ свою очередь тоже безсильны что-либо сдѣлать. Толпа идетъ за ними и поддерживаетъ ихъ лишь до тѣхъ поръ, пока они ей потакаютъ. Когда же совѣты и комитеты обращаются съ призывами къ сохраненію порядка, напоминаютъ не только о правахъ, но и обязанностяхъ, начинаютъ бороться съ домогательствами массъ, ихъ голосъ остается голосомъ воющаго въ пустынь. Разрушительная проповѣдь зашла такъ далеко, что въ глазахъ массъ теперь расшатанъ всякій авторитетъ, потеряно значеніе всякаго сдерживающаго вліянія. Къ тому же протекшее время достаточно показало, что дѣятельность комитетовъ и совѣтовъ не несетъ населенію того, что отъ нихъ ожидали. Иные комитеты не пользу приносили, а вредъ. Продовольственные комитеты оказались совершенно безсильными хотя сколько-нибудь облегчить продовольственную нужду. Земельные комитеты нерѣдко являлись только очагами анархій. Совѣты также зачастую только разстраивали промышленную жизнь страны. Отъ нихъ исходили посулы, они рождали несбыточные мечты, они готовили новую эру и не дали ничего, да и не могли дать, потому что глубокія жизненные перемены по щучьему велѣнію не происходятъ. И теперь въ разгаръ анархій эти комитеты и совѣты нерѣдко являются факторами, только ее усугубляющими; бендерскіе погромы начались изъ-за того, что комитеты мѣстныхъ войсковыхъ частей стали производить обыски и конфискации въ цѣляхъ борьбы съ дороговизной, а эти обыски превратились въ волну погромовъ, производимыхъ безчинствующими и пьяными солдатами. Аналогичные обыски и облавы, производимые въ самыхъ грубыхъ формахъ, создали крайне тревожное положеніе въ Одессѣ. Въ Феодосіи обыски и облавы, начатыя комитетами, перешли затѣмъ въ руки толпы, которая заявила, что не доверяетъ комитетчикамъ,—въ результатѣ дѣйствія толпы приняты такія формы, что понадобился вызовъ крейсера изъ Севастополя. Въ Костромѣ обходили квартиры для описи запасовъ болѣе сорока лицъ изъ комитета, и когда обыватели спрашивали, почему такъ много лицъ является въ каждую квартиру, получался отвѣтъ: «пять-шесть человекъ можно купить, а сорокъ—не всякому по средствамъ, вотъ и ходимъ всѣ вмѣстѣ». Да, наконецъ, и не всѣ комитеты хотятъ бороться съ анархіей. Въ тамбовскомъ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, когда тамъ стало извѣстно

о начавшемся въ Тамбовѣ погромѣ и стали говорить о необходимости усмиренія, раздался голоса: «Къ чему усмирять, пойдѣмъ лучше подсоблять». Какая можетъ быть борьба съ анархіей со стороны такихъ комитетовъ? Въ томъ же Тамбовѣ оказался разрѣшеннымъ аграрный вопросъ: комитеты и совѣты издали постановление объ отобрании всѣхъ частновладѣльческихъ земель въ вѣдѣніе земельной управы. А передъ этимъ въ рядѣ мѣстностей произведены были жесточайшіе погромы имѣній. Нетрудно предвидѣть, къ какимъ послѣдствіямъ поведетъ постановление объ отобрании имѣній. Объявлено такое постановление даже съ допущеніемъ подлога: отъ имени двухъ организацій, которыя и не вѣдали, что ихъ именемъ дѣлается.

А въ центрѣ? Будетъ ли «предпарламентъ» послѣдовательно твердымъ въ поддержкѣ правительственной политики, направленной на борьбу съ анархіей? Большевики не скрываютъ своихъ плановъ борьбы съ новымъ Временнымъ Правительствомъ, а болѣе умѣренные элементы социалистической демократіи держатся уклончивой политики и постоянно пасуютъ передъ демогическими приемами большевистской фракціи. Да и вліяніе въ странѣ умѣренной социалистической демократіи съ каждымъ днемъ все ослабѣваетъ. Низы отходятъ отъ нихъ вправо и влево: одни разочаровываются въ демократическомъ режимѣ и начинаютъ тосковать по старомъ строѣ,—въ московскихъ очередяхъ теперь слышится: «при старыхъ-то господахъ куда лучше жилось» или «Керенскій-то написалъ письмо царю, что не можетъ справиться съ дѣлами»,—другіе идутъ къ большевикамъ, обѣщающимъ низамъ все, что они хотятъ, потакающимъ самымъ темнымъ инстинктамъ толпы. Выборы въ районныя думы въ Москвѣ оказались достаточно показательными въ этомъ отношеніи.

Россія теперь, однако, уже наканунѣ созыва Учредительнаго Собранія. Всѣ партіи и политическія организаціи начинаютъ готовиться къ избирательной кампаніи. Можетъ быть, предстоящіе выборы вызовутъ къ себѣ интересъ въ широкихъ слояхъ населенія и ослабятъ анархическое движеніе въ странѣ. Всѣ жизненные вопросы, изъ-за которыхъ велась и ведется борьба, будутъ рѣшаться въ Учредительномъ Собраніи, авторитетъ котораго будетъ черпаться изъ всеобщаго избранія. Голосъ Учредительнаго Собранія при правильности выборовъ явится голосомъ всей страны и онъ не можетъ быть заглушенъ и поколебленъ выкриками какой-нибудь самочинно возникшей организаціи, претендовавшей ранѣе говорить отъ имени народа и представлять его интересы. Для всѣхъ партій, теченій и фракцій будетъ важно имѣть представительство въ этомъ всенародномъ собраніи и онѣ привлекутъ къ участию въ избирательной кампаніи широкіе слои. И эта избирательная кампанія и послѣдующая дѣятельность Учредительнаго Собранія, можетъ быть, внесутъ въ нашу жизнь сдерживающее начало, что оказывалось безсильнымъ сдѣлать Временное Правительство. Но будетъ ли гарантирована предстоящимъ выборамъ ихъ правильность и полная свобода, которая только одна можетъ обезпечить силу и авторитетъ будущаго Учредительнаго Собранія?

Н. Горданскій.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Московская Просвѣтительная Комиссія.

БРОШЮРЫ:

1. ПР.-ДОЦ. Н. П. АПУФРИЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалія). Ц. 40 к.
2. ПР.-ДОЦ. Н. П. АПУФРИЕВЪ. Два русскихъ учредительныхъ собрания (1813 и 1917 гг.). Ц. 30 к.
3. Н. А. ВЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 к.
4. Н. А. ВЕРДЯЕВЪ. Возможна ли социальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Демократическая организація арміи. Ц. 30 к.
7. ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСАНДРОВЪ. Что такое социализмъ? (Печатается).
8. ПРОФ. В. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ. (Печатается).
9. В. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ смутное время. (Печат.)
10. ПР.-ДОЦ. О. Ф. КЕЧЕВЪ. Что такое свобода. (Печатается).
11. ПРОФ. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція. Ц. 30 к.
12. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа. Цѣна 40 коп.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакуинъ и бунтари 1917 года. Цѣна 30 коп.
14. ПРОФ. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи.
15. ПР.-ДОЦ. Н. Н. ФИОЛЕТОВЪ. Церковь и государство. Ц. 30 к.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Бесѣда о войнѣ. Ц. 30 к.
17. ПРОФ. А. А. СОБОЛЕВЪ. Земельный вопросъ. Ц. 25 к.
18. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорциональные выборы Ц. 30 к.
19. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Ученіе объ Учредительномъ Собраніи. 2-е изд. Ц. 30 к.
20. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика. (Печатается).
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія. (Печатается).
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКІЙ. „Что хотимъ мы и чего хотимъ мы съ союзниками“. Ц. 40 к.
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство. Ц. 30 к.

Адресъ конторы издательства: Москва, В. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАРОДОПРАВСТВО“.

Въ первыхъ восьми нумерахъ напечатаны статьи и очерки, слѣдующихъ авторовъ:

Проф. Н. Н. Алексѣева, Д. Аркина, Н. А. Бердяева, Г. Вильямса, проф. Б. П. Вышеславцева, В. Дороватовской, А. А. Евдокимова, Бор. Зайцева, проф. В. В. Зѣньковского, Н. М. Юрданскаго, прив.-доц. Ю. В. Ключникова, С. С. Кондурушкина, Е. Коровина, Бориса Кремнева, В. Муравьева, Ивана Новикова, В. В. Островскаго, А. Пойминова, М. Пришвина, Алексѣя Ремизова, Петра Рысса, проф. А. А. Рождественскаго, Б. Савинича, пр.-доц. А. Саккети, проф. М. Н. Соболева, свящ. С. М. Соловьева, проф. Е. Спекторскаго, гр. Алексѣя Н. Толстого, проф. В. М. Устинова, прап. Ушакова, проф. М. И. Фридмана, пр.-доц. Н. Н. Фиолетова, Владислава Ходасевича, С. Г. Члхушьяна, Георгія Чулкова и др.

Адресъ конторы: Москва Б. Дмитровка, 13, кв. 18, Тел. 2-39-96.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедельный общественно-политическій журналъ

ВѢСТНИКЪ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

Журналъ издается подъ непосредственнымъ наблюдениемъ Центральнаго Комитета партіи, при участіи: М. С. Аджемова, Н. И. Астрова, А. В. Васильева, В. И. Вернадскаго, Г. В. Вернадскаго, В. М. Гессена, Д. Д. Гримма, П. П. Гронскаго, кн. П. Д. Долгорукова, А. С. Изгоева, А. И. Каминка, А. А. Кизеветтера, Ф. Ф. Кокошкина, А. А. Корнилова, Н. О. Лосскаго, В. А. Маклакова, А. А. Мануилова, П. Н. Милюкова, Н. В. Некрасова, В. Д. Набокова, кн. В. А. Оболенскаго, С. Ф. Ольденбурга, И. И. Петрункевича, М. Д. Приселкова, Д. Д. Протопопова, Ф. И. Родичева, М. И. Ростовцева, А. Н. Рутцена, К. Н. Соколова, Н. В. Тесленко, А. В. Тьрковой, Н. Н. Черненкова, К. К. Чернозитова, кн. Д. И. Шаховскаго, А. И. Шингарева и др.

Редакторъ М. М. Винаверъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой до конца года—6 р. Розничная цѣна 25 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Французская набережная, д. 8, кв. 5.

Открыта подписка на газету

„ЗЕМЛЯ“.

подъ редакціей С. С. Кондурушкина.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ И СОТРУДНИКИ: Г. П. Васильевъ, О. Волькенштейнъ, П. Я. Гуревичъ, Я. Я. Гуревичъ, В. В. Каррикъ, В. В. Киселева, О. О. Кондурушкинъ, И. М. Кригелъ, Ф. Ф. Лесгафтъ, П. В. Моклевскій, В. В. Тукалевскій, А. М. Хирьяковъ, В. В. Чешинъ, Вяч. И. Шинковъ, А. К. Янсонъ.

Газета ставитъ себя вначелѣ призывать трудовую Россію къ созидательному творчеству и укрѣплять въ сознаниіи народа завоеванный новый строй

Первое время „ЗЕМЛЯ“ разсылается для ознакомленія БЕЗПЛАТНО во все кооперативы Россіи, волостные комитеты, на фронтъ, а отдѣльнымъ лицамъ по заявленіямъ въ контору.

Подписная плата за 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс. 2 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 р.

Полугодовые подписчики (съ 1 июля по 31 дек. 1917 г.) получаютъ до конца года бесплатно 12 книжекъ слѣдующаго содержанія.

1) Толковый словарь (пособіе при чтеніи газет)—С. С. Кондурушкинъ.	7) Хлѣбная монополія—В. В. Каррикъ.
2) Учредительное Собраніе и его задачи Н. Н. Киселева.	8) Волостное самоуправленіе—А. К. Янсонъ.
3) Земельное устройство въ Россіи.	9) Чѣмъ богата и бѣдна Россія—Ф. Ф. Лесгафтъ.
4) Царь или предсѣдатель—А. М. Хирьяковъ.	10) Кооперация—В. Н. Тукалевскій.
5) Права челоѣка и гражданина—Я. Я. Гуревичъ.	11) Свободная школа и ея задачи—Г. П. Васильевъ.
6) Самоуправленіе отдѣльныхъ частей Россіи—П. В. Моклевскій.	12) Какъ дѣлалъ революцію другіе народы.

Въ отдѣльной продажѣ эти книжки будутъ стоить 3 руб.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, улица Жуковскаго, 24.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ на старообрядческой церковно-общественный журналъ

„СЛОВО ЦЕРКВИ“.

Годъ издаванія третій

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ: священникъ Ф. М. Гусяковъ, Я. А. Богатенко, М. И. Бриллиантовъ, С. И. Быстровъ, Д. С. Варакинъ, П. И. Власовъ, И. А. Кирилловъ, В. Е. Мельниковъ, Ф. Е. Мельниковъ, г. Омега, А. А. Павловъ, В. Г. Сенатовъ, Тиханскій, С. Г. Фомичевъ, Шалаевъ, К. Н. Швецовъ и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „СЛОВО ЦЕРКВИ“: На годъ 9 р. 50 к., на 1/2 года—4 р. 75 к., на три мѣсяца 2 р. 50 к. Допускается разсрочка: къ 1-му января высылается 5 р., къ 1-му мая 3 р. 50 к. и къ 1-му севтлбрю 1 руб.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Биржевая площадь домъ Московскаго Банка.

Издательство „КОРАБЛЬ“.

- А. Вѣтровъ. Во что сегодня вѣрять Германия? Ц. 65 к.
- А. В. Карташевъ. Реформа, реформація и исполненіе церкви. Ц. 1 р. 25 к.
- Д. С. Мережковскій. Зачѣмъ воскресъ? Религиозная личность и общественность. Ц. 40 к.
- Георгій Чулковъ. Судьба Россіи. Бесѣда о современныхъ событіяхъ. Ц. 65 к.
- Москва. Складъ Московской Просвѣтительной Комиссіи. Б. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96.